

СТАВРОПОЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ два раза въ мѣсяць.
Подписка принимается въ Редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей, въ Ставрополѣ на Кавказѣ.

Цѣна за годовое изданіе Вѣдомостей 5 руб. въ листахъ, и 5 руб. 50 коп. въ брошюрованномъ видѣ.

№ 11-й. 1899-й годъ. 1-го ЮНЯ.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода имѣлъ счастье испрашивать Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на расходованіе въ 1899 году 500,000 рублей изъ специальныхъ средствъ Святѣйшаго Синода, по капиталу второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, въ пособіе на устройство и содержаніе всѣхъ вообще церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. На всеподданнѣйшемъ докладѣ его, Оберъ-Прокурора, по сему предмету Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ 16-й день апрѣля 1899 года, Собственноручно начертать: „Согласенъ“.

II.

Узаконенія и распоряженія правительства.

Правила о производствѣ дѣлъ по возобновленію межевыхъ знаковъ.

(Утверждены Министромъ Юстиціи 15 января 1899 г.).

1. При заявленіи Губернскому Правленію, на основаніи 471 ст. Меж. Зак., ходатайства о возобновленіи межъ, владѣльцы должны представить выданныя имъ отъ межевыхъ правительствъ копии утвержденныхъ межевыхъ плановъ и точно въ прошеніи указать, — по какимъ линіямъ плана они требуютъ возобновленія межевыхъ знаковъ.

2. Если планъ составленъ не на имя ходатайствующаго о возобновленіи межи, то проситель обязанъ представить крѣпостной актъ или иное удостовѣреніе, что показанная на планѣ земля принадлежитъ ему.

3. Ходатайствующій о возобновленіи межи долженъ указать имена, отчества, фамиліи и мѣсто постоянного жительства тѣхъ смежныхъ владѣльцевъ, по границамъ земель которыхъ онъ проситъ о возобновленіи межевыхъ знаковъ.

4. Просителю, приславшему по почтѣ прошеніе, неудовлетворяющее требованіямъ, указаннымъ въ предыдущихъ статьяхъ, въ семидневный срокъ со дня полученія прошенія, губерпскій землемѣръ обязанъ послать, чрезъ мѣстную полицію, со взысканіемъ гербоваго сбора, объявленіе о недостаткахъ его прошенія. Лично подающимъ такого рода прошенія губерпскій землемѣръ даетъ словесныя указанія и дѣлаетъ, въ присутствіи просителя, объ этомъ надпись на прошеніи.

5. Если изъ прошенія о возобновленіи межевыхъ знаковъ будетъ видно, что по спору о данной границѣ уже заведено дѣло въ судебныхъ установленіяхъ, — то такое прошеніе, на основаніи 52 ст. Меж. Зак., признается

неподлежащимъ дальнѣйшему производству по Губернской чертежной,—о чемъ и объявляется просителю.

6. Прошенія, поданныя въ надлежащемъ порядкѣ и подлежащія дальнѣйшему производству,—по резолюціи губернскаго землемѣра, соображаются въ чертежной съ имѣющимися въ ея архивѣ данными, которыя, въ случаѣ надобности, пополняются, по сношенію губернскаго землемѣра съ Межевой Канцеляріей, свѣдѣніями изъ архива этой послѣдней.

7. При сомнѣніи въ правильности или точности сдѣланныхъ просителемъ указаній на смежныхъ владѣльцевъ, губернской землемѣръ, не останавливая производства по прошенію, сносится по этому поводу съ мѣстными административными, земскими или полицейскими властями.

8. По утвержденіи росписанія полевыхъ работъ на предстоящее лѣто (208—211 ст. Меж. Зак.), губернской землемѣръ о включенныхъ въ росписаніе дѣлахъ по возобновленію межъ, примѣняясь къ 293 ст. Меж. Зак., одновременно съ немедленнымъ распоряженіемъ о припечатаніи объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, посылаетъ, чрезъ полицію, объявленія какъ просившему о возобновленіи межъ, такъ и смежнымъ владѣльцамъ, съ указаніемъ,—въ какое приблизительно время и какимъ именно изъ землемѣровъ будутъ произведены межевыя работы.

9. Въ то же время и такого же содержанія извѣщенія, въ формѣ отношеній, губернской землемѣръ посылаетъ: а) мѣстнымъ земскимъ начальникамъ (примѣч. къ 271 ст. Меж. Зак.) и б) тѣмъ казеннымъ учрежденіямъ, отъ которыхъ въ подлежащихъ случаяхъ требуется присутствіе депутатовъ.

10. Земскій начальникъ и представители заинтересованныхъ вѣдомствъ о днѣ начала работъ извѣщаются, въ той же формѣ, землемѣромъ заблаговременно, тотчасъ какъ этотъ послѣдній, по ходу предшествующей работы, будетъ въ состояніи опредѣлить день своего прибытія на мѣсто.

11. По прибытіи на мѣсто, землемѣръ посылаетъ, чрезъ мѣстную сельскую полицію, просившему о возобновленіи межь повѣстку о днѣ и часѣ начала работъ, о числѣ необходимыхъ рабочихъ, подводѣ и количествѣ матеріаловъ для наложенія межевыхъ знаковъ. Въ то же время о днѣ и часѣ начала работъ землемѣръ извѣщаетъ повѣстками сосѣднихъ владѣльцевъ.

12. Если предъ началомъ работъ по возобновленію межь (или во время работъ) обнаружится или вообще дойдетъ до свѣдѣнія землемѣра, что работы должны будутъ идти по границамъ земель такихъ владѣльцевъ, которые ранѣе по дѣлу не были извѣстны и потому не извѣщались, — то немедленно и этимъ послѣднимъ землемѣръ обязанъ послать повѣстки, извѣщающія какъ о причинѣ, вызвавшей данныя межевыя работы, такъ и о времени ихъ производства.

13. Въ назначенное въ повѣсткахъ время, убѣдившись, что повѣстки его вручены по принадлежности тѣмъ лицамъ, на имя которыхъ были написаны, или ихъ домашнимъ, или повѣреннымъ, управляющимъ или завѣдывающимъ ихъ имѣніями, землемѣръ приступаетъ къ работамъ въ присутствіи явившихся, — не вызывая къ производству этихъ техническихъ работъ стороннихъ понятыхъ людей.

14. Все производство упомянутыхъ дѣйствій вносится землемѣромъ ежедневно въ полевой журналъ, въ одной части котораго записываются сдѣланныя измѣренія линій и угловъ, а въ другой — имена, отчества и фамиліи присутствовавшихъ при возобновленіи межь владѣльцевъ и всѣ ихъ заявленія по дѣлу.

15. Въ случаяхъ надобности, на пройденныя возобновленіемъ и розыскаіемъ межевыхъ знаковъ линіи, составляется чертежъ.

16. Самое возобновленіе межь, начинаясь съ пункта, на которомъ сохранились несомнѣнные слѣды межевыхъ знаковъ, должно состоять прежде всего въ опредѣленіи

по плану мѣсть наложенія межевыхъ знаковъ при межеваніи.

17. Если опредѣленные по плану урочища и граничныя линіи совпадаютъ съ существующими въ натурѣ урочищами и слѣдами межевыхъ знаковъ, то межа возобновляется на прежнемъ мѣстѣ.

18. Землемѣръ возобновляетъ межу, хотя планъ и окажется несогласнымъ съ натурою, но розыщутся граничныя живыя урочища, не измѣнившія своего положенія со времени первоначальнаго межеванія, или несомнѣнные слѣды межевыхъ признаковъ.

19. Межа возобновляется землемѣромъ и въ томъ случаѣ, когда граничныя живыя урочища или слѣды межевыхъ признаковъ не будутъ разысканы, — но тѣмъ не менѣе мѣста первоначальнаго наложенія межевыхъ знаковъ точно опредѣлятся по плану.

20. Если на мѣстности не окажется граничныхъ живыхъ урочищъ или слѣдовъ межевыхъ признаковъ, а планы, по ихъ невѣрности, не представляютъ твердыхъ данныхъ для опредѣленія по нимъ мѣсть наложенія упомянутыхъ знаковъ, — граница устанавливается съ наложеніемъ межевыхъ знаковъ по существующимъ владѣніямъ на основаніи согласнаго показанія смежными владѣльцами.

21. При отсутствіи полюбовнаго согласія смежныхъ владѣльцевъ на проведеніе границы по 20 статьѣ этихъ правилъ, а также въ случаѣ спора о владѣніи землей при возобновленіи межъ по 19 статьѣ, — землемѣръ прекращаетъ дальнѣйшія свои дѣйствія и объявляетъ владѣльцамъ, что возникшіе между ними споры подлежатъ разрѣшенію суда.

22. Дѣла, по окончаніи работъ, представленныя исполнителями губернскимъ землемѣрамъ, подлежатъ дальнѣйшему производству въ губернскихъ правленіяхъ на основаніи циркулярнаго распоряженія, отъ 22-го декабря 1898 года за № 47.

Ш.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Письмо Преосвященнѣйшаго Антонія, Епископа Тобольскаго и Сибирскаго, отъ 6 апрѣля сего 1899 года за № 231, на имя нашего Архипастыря слѣдующаго содержания:

Ваше Преосвященство,

Милостивый Архипастырь!

Въ книжномъ складѣ Тобольскаго епархіальнаго Братства имѣются въ продажѣ слѣдующія изданія: „Обличеніе раскола“ Ивановскаго, цѣна 75 коп. экз. и „Св. Четырнадцатница“ Епископа Іустина, цѣна 60 коп. экз.

Сообщая о семъ Вашему Преосвященству и препровождая по одному экземпляру означенныхъ книгъ, позволяю себѣ просить Васъ оказать свое Архипастырское содѣйствіе въ распространеніи ихъ во ввѣренной Вамъ епархіи, а также о напечатаніи о семъ въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

Г. Тобольскъ.

(Слѣдуетъ подпись).

На письмѣ семъ послѣдовала резолюція Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Агаѳодора, Епископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, отъ 30 апрѣля сего 1899 года за № 3372, между прочимъ, таковая: „Напечатать сіе въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ для свѣдѣнія духовнству епархіи“.

Перемѣны по службѣ.

Діаконъ Николаевской церкви села Преграднаго Стефанъ Янковъ, согл. прош., опредѣленъ на священническое мѣсто къ церкви села Рогули, 18 мая.

Заштатный священникъ Ярославской епархіи села Помогалова Павелъ Воскресенскій, согл. прош., опредѣленъ къ церкви села Софійскаго, 24 мая.

Діаконъ ст. Зассовской Владиміръ **Смирновъ**, согл. прош., опредѣленъ на священническое мѣсто къ церкви ст. Благовѣщенской, 24 мая.

Учитель церковно-приходской школы села Николаевского Антоній **Гладышевскій**, согл. прош., опредѣленъ на діаконо-учительское мѣсто къ церкви хут. Романовскаго, 18 мая.

И. д. псаломщика Дмитріевской церкви гор. Екатеринодара Александръ **Федоровъ**, для пользы службы, перемѣщенъ къ церкви ст. Даховской, 24 мая.

Псаломщикъ с. Арзгирь Георгій **Дмитріевъ**, согл. прош., опредѣленъ на діаконо-учительское мѣсто къ Срѣтенской ц. села Благодарнаго, 24 мая.

Псаломщикъ поселка Фонталовскаго Андрей **Семилуцкій**, согл. прош., опредѣленъ на діаконо-учительское мѣсто къ церкви пос. Владимірскаго, 24 мая.

Бывшій діаконо-учитель Введенской церкви ст. Пашковской Евгеній **Кондратовъ**, согл. прош., назначенъ на должность псаломщика къ церкви села Армавиръ, 24 мая.

Псаломщикъ ст. Дяльковской Михаилъ **Кущъ**, согл. прош., перемѣщенъ къ церкви ст. Батуринской, 24 мая.

Учитель второклассной церковно-приходской школы ст. Усть-Лабинской Сергѣй **Пронинъ**, согл. прош., опредѣленъ на діаконо-учительское мѣсто къ церкви ст. Усть-Джегутинской, 24 мая.

И. д. псаломщика Софійской церкви гор. Ставрополя Павелъ **Свистухинъ**, согл. прош., перемѣщенъ къ церкви села Арзгирь, 28 мая.

Бывшій и. д. псаломщика ст. Кисляковской Александръ **Бѣликовъ**, согл. прош., опредѣленъ и. д. псаломщика къ церкви хут. Ловлина, 28 мая.

Сынъ псаломщика села Грушовскаго Теодоръ **Грушевскій**, согл. прош., опредѣленъ и. д. псаломщика къ церкви села Высоцкаго, 28 мая.

IV.

ИЗВѢСТІЯ.

Отъ Ставропольскаго Епархіального Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

Въ виду того, что нѣкоторые о.о. благочинные 2^о/_о—ный сборъ на содержаніе епархіальной „Александро-Маринской“ богадѣльни ошибочно представляютъ причту Ставропольскаго кафедральнаго собора, Попечительство симъ поставляетъ въ извѣстность о.о. благочинныхъ епархіи, что все сборы на содержаніе епархіальной богадѣльни подлежатъ представленію въ Ставропольское Епархіальное Попечительство.

Отъ Ставропольскаго Епархіального Миссіонерскаго Комитета.

Въ виду резолюціи Его Преосвященства отъ 30 апрѣля сего года за № 3314, требующей отъ Миссіонерскаго Комитета доставленія годовыхъ отчетовъ о калмыцкой и другихъ миссіяхъ епархіи къ 1-му февраля каждаго года, Ставропольскій Епархіальный Миссіонерскій Комитетъ на основаніи своего постановленія, утвержденнаго Его Преосвященствомъ, симъ предлагаетъ всемъ о.о. миссіонерамъ епархіальнымъ, окружнымъ и противобуддѣйскимъ доставлять годовые отчеты въ Миссіонерскій Комитетъ *непреломленно* къ 10-му января каждаго года, при чемъ о.о. миссіонеры—противосектантскіе и противораскольничьи должны точно руководствоваться при составленіи отчетовъ инструкціей для миссіонеровъ Ставропольской епархіи, напечатанной въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1894 годъ, а противобуддѣйскіе—должны руководствоваться имѣющеюся у нихъ программой Православнаго Миссіонерскаго Общества. (Смотр. объявленіе Комитета въ № 7-мъ Епарх. Вѣдомостей за 1899 годъ).

ЦЕРКОВНО-ШКОЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

По журнальному опредѣленію Епархіальнаго Училищнаго Совѣта отъ 28 апрѣля сего года за № 19, утвержденному резолюціею Его Преосвященства отъ 18 мая за № 3513:

1) Земскій начальникъ 4 участка Новогригорьевскаго уѣзда В. Богословскій утвержденъ въ должности почетнаго попечителя церковно-приходскихъ школъ 4 участка Новогригорьевскаго уѣзда.

2) Губернскій секретарь А. Лещенко, урядникъ С. Глыбовскій, казакъ Г. Чавдаровъ и запасный фельдфебель А. Тараостуновъ утверждены въ званіи попечителей церковно-приходской школы ст. Ханской.

3) Утверждены въ должностяхъ учителей пѣнія церковно-приходскихъ школъ: Старолеушковской псаломщикъ А. Тульневъ, Березанской псаломщикъ Н. Рябчиковъ, Бѣлорѣченской псаломщикъ М. Лавановъ и сел. Бѣлаго псаломщикъ В. Поддубный.

4) Преподано Архiepастырское благословеніе съ выдачею установленныхъ на сіе грамотъ: обществу ст. Ханской за ассигнованіе 4000 р. на устройство новаго зданія для 2-й церк.-прих. школы, а также и другія матеріальныя жертвы, священнику той же станицы А. Прозоровскому и бывшему станичному атаману той же станицы Ф. Черняеву за склоненіе общества къ означенному ассигнованію.

5) Завѣдующему церковно-приходской школою ст. Ханской, священнику А. Прозоровскому, діаконо-учителю Н. Киртоки и псаломщику Ѳ. Ястребову за пожертвованіе на нужды мѣстной церк.-прих. школы по 2% изъ братскихъ доходовъ выражена благодарность Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

По журнальному опредѣленію Епархіальнаго Училищнаго Совѣта отъ 10 мая сего года за № 21, утвержденному резолюціею Ею Преосвященства отъ 18 мая за № 3512:

1) Утверждены въ званіи попечителейъ школъ грамоты: хут. Яманъ-Джалгинскаго, — жена есаула Е. Кравцова, хут. Рощинскаго — вдова землевла дѣльца А. Маева, хут. Зубова — мѣщанинъ Х. Зубовъ и церковно-приходской школы ст. Воздвиженской — крестьянинъ И. Одинцовъ.

2) Выражена благодарность Епархіальнаго Училищнаго Совѣта женѣ есаула Е. Кравцовой за пожертвованіе на нужды Яманъ-Джалгинской школы грамоты — 50 руб.

О ВАКАНТНЫХЪ МѢСТАХЪ.

Вакантными состоятъ мѣста:

а) Священническія: въ селѣ Урожайномъ, ст. Кутаисской и Урупской.

б) Діаконо-учительскія: въ с. Благодарномъ при Космо-Даміановской церкви и стан. Тенгинской.

и в) Псаломщическія: въ стан. Старомышастовской, Севастопольской, Дагестанской, Бекечевской, Николаевской, Смоленской, Благовѣщенской, Кутаисской, Дядьковской, Ширванской, Нефтяной, въ сел. Беноковѣ, Марухскомъ, въ хуторахъ: Михайловскомъ, Майкопскаго отдѣла, Фонталовскомъ, Гоковскомъ, въ селѣ Солдатско-Александровскомъ, при Софійской церкви города Ставрополя, въ пос. Фанагорійскомъ и Дмитр. церкви г. Екатеринодара.

СТАВРОПОЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 11-й. 1899-й годъ. 1-го ІЮНЯ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

І.

С Л О В О

предъ торжественною панихидою о поэтѣ Пушкинѣ *).

Да не хвалится премудрый премудростію своею, и да не хвалится сильный силою своею, и да не хвалится богатый богатствомъ своимъ. Но о семъ да хвалится хваляйся, еже разумѣти и знати Господа (1 Царствъ II, 10).

Начавшееся 26 числа сего мѣсяца, еще и доселѣ совершается во всей землѣ русской исполненное ликованія, чествованія, изліянія самыхъ восторженныхъ чувствъ торжество столѣтняго юбилея дня рожденія Пушкина. Сказать можно, что въ ликованіи этомъ и чествованіи участвуетъ вся Россія; ибо высшая, лучшая, интеллигентнѣйшая часть русскаго общества, воспитавшаяся на геніальныхъ мысляхъ и неподражаемомъ языкѣ Пушкина и призванная нынѣ Высочайшимъ изволеніемъ Державнаго Вождя земли русской учредить и выполнить это торжество, уполномочена пригласить къ участію въ немъ весь народъ русскій и въ той многочисленнѣйшей его части, которая еще,

*) Произнесено въ церкви Ставропольской дух. семинаріи 30 мая 1899 г.

можно сказать, не знаетъ Пушкина, не понимаетъ мыслей его, не причастна ни в малѣ языку его.

Не безучастны, конечно, къ этому общему ликованію и представители православно-русской церкви Христовой; ибо и они призываются нынѣ совершить молитвенное возношеніе предъ Богомъ имени усопшаго поэта, сказать о немъ съ церковной кафедры пастырское слово свое, отдавая вмѣстѣ съ тѣмъ и общероссійскій долгъ любви, чести и славы вѣковому генію.

Но и помимо этого призыва, если ни одно русское сердце не въ состояніи пребыть безъ отклика на всеобщій восторгъ предъ именемъ человѣка, прославившаго землю русскую, то тѣмъ болѣе—какое же сердце русскаго пастыря церкви, этого наискреннѣйшаго раздѣлителя всякой русской радости, равно какъ и скорби, не отзовется нынѣ само собою преискреннимъ откликомъ на всероссійское торжество въ честь геніальнаго представителя и учителя въ области русской образной мысли и высочайшей поэзіи.

Скажемъ же и мы сильное слово любви и глубокаго почтенія къ почившему поэту; но, не увлекаясь оглушающимъ гуломъ и ослѣпляющимъ блескомъ торжествъ, потщимся всецѣло вмѣстить чувства свои въ тотъ уровень мѣрности всякихъ порывовъ чувства, какой предписывается всякому земному чувству человѣческому святою нашею Церковію, для которой все земнородные, геніи и безталанные—все едино суть и съ единой возвышеннѣйшей и свободной отъ всего земного точки зрѣнія или прославляются или осуждаются.

Что же скажетъ пастырь церкви о русскомъ поэтѣ Пушкинѣ, и именно о Пушкинѣ, въ тѣ дни, когда Пушкину зиждутся монументы новые, когда предъ созданными уже его монументами стоитъ почти колѣнопреклоненная толпа и рукоплещетъ воспѣвающимъ ораторамъ, когда хоры, трубы и кимвалы гремятъ ему оглушающую, никому еще изъ поэтовъ въ такой мѣрѣ не воздававшуюся славу,

когда имя Пушкина, вотъ уже цѣлые мѣсяцы сознательно, полусознательно и совсѣмъ безсознательно не сходить съ языка ни у кого, начиная отъ величайшихъ свѣтилъ русской мысли, науки и искусства и кончая грамотнымъ ребенкомъ-школьникомъ и даже неграмотнымъ мужичкомъ, родителемъ того школьника?

Прежде всего, конечно, отъ души скажетъ и пастырь церкви то самое, что должна сказать вся и земля русская: да, Пушкинъ, взятый въ лучшихъ его произведеніяхъ, это—слава, гордость, величайшее и совершеннѣйшее выраженіе русской души и украшеніе земли русской въ ея простотѣ и ясности, являющей недосягаемое величіе духа; Пушкинъ, въ этихъ произведеніяхъ—вдохновитель сердца, учитель слова, вѣнецъ самосознанія русскаго; Пушкинъ—воспитатель въ спокойной національной прародной гордости нашей живущихъ и имѣющихъ жить поколѣній русскихъ; Пушкинъ—свѣточъ яркій, озарившій сіяніемъ ума и блескомъ языка своего все великое и самобытное и неизмѣнное, что имѣла и имѣетъ Россія въ своемъ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ самосознаніи. Его небывалый, неподражаемый стихъ, кованый стихъ и могучій, облакающій еще болѣе могучую, возвышающуюся почти до пророчества мысль и орлиные полеты необъятной фантазіи, то гремитъ раскатами грома нашей царственной національной мощи, то журчитъ тихими мелодіями сокрытаго въ глубинѣ и простотѣ русскаго сердца, то рыдаетъ всею силою отчаянной измученной души, то палитъ душу муками потрясенной совѣсти... Этотъ стихъ—явленіе вѣковое, небывалое до него и послѣ него, можно сказать, не повторявшееся. Этимъ стихомъ, въ безчисленныхъ переводахъ на многіе языки, наслаждается весь просвѣщенный міръ; а на Руси повсюду его лепечетъ младенецъ, запоминаетъ отрокъ и юноша, изучаетъ мужъ, повторяетъ старецъ, и каждая ступень этихъ возрастовъ, въ своей мѣрѣ, находитъ въ немъ источникъ высокихъ наслажденій, или сознаваемыхъ, или только чувствуемыхъ,

но всегда новыхъ, всегда глубокихъ, всегда потрясающихъ или утѣшающихъ. Не вынесъ ли каждый изъ насъ изъ самаго ранняго дѣтства тотъ сказочный, легкій, понятный, неотразимо западавшій въ душу, и проникнутый глубочайшею идеей образъ ненасытной жадности и себялюбія человѣческаго, ничѣмъ въ мірѣ неудовлетворяемаго, который въ извѣстномъ созданіи этого поэта поражалъ неописуемымъ отвращеніемъ даже дѣтскую душу, пока восходилъ фантастически отъ землянки до царскихъ чертоговъ, а затѣмъ, получивъ страшное возмездіе своей ненасытности фантастическимъ же низверженіемъ снова въ ничтожество, примирялъ съ собою невинное дѣтское сердце, проникавшееся истинной жалостью и милосердіемъ къ падшему?

Кто изъ насъ, далѣе, въ зрѣломъ возрастѣ не потрясался до глубины души неописуемо дивнымъ изображеніемъ Бориса, царя—похитителя власти, царя—дѣтубійцы и цареубійцы, который задыхался подъ ужасами давившей совѣсти даже въ просторныхъ чертогахъ на чужомъ тронѣ, не зная покоя и отрады, и „мальчики кровавые въ глазахъ“ его мучили его муками ада даже въ величіи царственномъ? А въ противоположность ему—тихой образъ инока-лѣтописца!... Чье сердце не проникалось при созерцаніи его истинно райскимъ спокойствіемъ духа, познавшаго суету мірскую и именно путемъ опытнаго познанія ея пришедшаго къ возвышенію надъ міромъ, къ сознанію единой отрады—жить и угасать предъ Богомъ вмѣстѣ съ своей тихой лампадою? Кто изъ насъ, наконецъ, не чувствовалъ себя подхваченнымъ орлиными крыльями Пушкинскаго генія на то бранное поле, то „битвы поле роковое“, гдѣ столкнулись какъ стихіи русскій царь—исполинъ съ коварнымъ пришельцемъ шведомъ, союзникомъ черной измѣны и рѣшили роковой вопросъ, быть или не быть Россіи, въ страшномъ гулѣ и грохотѣ боя полтавскаго? Не говоримъ о другихъ изображеніяхъ русскаго быта, семьи, русской вѣрности, цѣлостности сми-

ренія и преданности долгу и обѣтамъ сердца, которыя содержатся въ этихъ же произведеніяхъ и въ другихъ великихъ по мысли твореніяхъ Пушкина; не говоримъ о томъ, какъ неотразимо воспринимаются и незабываемо входятъ въ душу и эти образы и какъ незамѣтно усвоился нами его феноменально блестящій языкъ, его небывалая дотолѣ рѣчь, вырабатывавшая и наше слово, наши мысли, наше воображеніе! Говорить объ этомъ значило бы говорить безъ конца!...

Мы ли, пастыри церковные, руководившіе и другихъ въ чтеніи Пушкина, не почтимъ поэта, совмѣстно со всею Россією, заслуженной хвалою, безграничной любовью, теплымъ воспоминаніемъ?

Но—чада и братіе! Если бы на этой хвалѣ только и остановились мы, то низвели бы святое мѣсто храма Божія на степень тѣхъ мірскихъ трибунъ ликованія и хваленій, вокругъ которыхъ нынѣ рукоплещетъ толпа всероссійская у подножій памятниковъ поэту; да и не сказали бы чего либо такого, что не было бы уже сказано лучше насъ, больше насъ, восторженнѣе и пламеннѣе, пожалуй, нежели мы скажемъ. Предоставимъ же хвалу Пушкина, въ его земной славѣ, ораторамъ—воспѣвателямъ земной славы. Уступимъ имъ охотно трибуну хваленія, сердечно присоединяясь къ этому хваленію. Оставимъ мертвыхъ погребать своя мертвецы и хвалить и цѣнить Пушкина въ томъ видѣ, въ какомъ должны знать и хвалить его на землѣ разумъ и сердце человѣческое.

На этомъ святомъ мѣстѣ, въ храмѣ Божіемъ стояще, на небеси стояти мнимъ, т. е., далеко-далеко отъ земныхъ мѣстъ восхваленія и высоко надъ ними. Здѣсь, какъ на небеси, нѣтъ Пушкиныхъ съ ихъ геніальностью, нѣтъ и не можетъ быть ихъ поклонниковъ, съ ихъ восторгами. Здѣсь—судія праведный, болій сердца нашего и вѣдый вся. Здѣсь воспоминается не Пушкинъ, а рабъ Божій Александръ, ничѣмъ, по существу своему, не отличаеый предъ Божественною правдою отъ убогаго и безкнижнаго

простеца, ни въ малѣйшей степени на землѣ не славимаго. Здѣсь единое слово простой души открытой предъ Богомъ, какъ единая молитва скорбящей ветхозавѣтной Анны, можетъ быть цѣннѣе въ очахъ Божіихъ, безсмертнѣе и благотворнѣе всѣхъ твореній Пушкина; здѣсь не поклонники Пушкина, а собратья—христіане, молитвенники за душу собрата своего—безразлично: геній ли онъ или простѣйшій изъ смертныхъ; здѣсь нѣтъ иного отношенія къ нему, какъ вопросъ о томъ, яже содѣла онъ—или блага или зла... И могила Пушкина, усыпанная нынѣ заслуженными вѣнками, справедливо оглашаемая кликами восторга, предъ мысленнымъ взоромъ собравшихся молиться о упокоеніи души его, не можетъ вызвать иного вопля кромѣ того, какимъ характеризуетъ св. Церковь всякую могилу, безъ малѣйшаго исключенія: *помянухъ пророка, вопіюща: азъ есмь земля и пепелъ. И паки разсмотрихъ во гробѣхъ и видѣхъ кости обнаженны, и рѣхъ: убо кто есть царь или воинъ, или богатъ, или убогъ? Гдѣ есть ума гордыня? Гдѣ есть мірская слава? Гдѣ есть привременныхъ мечтаніе? Изыде и отыде отъ здѣшнихъ тамо, идѣже мзда о дѣлахъ есть* (стихиры на погребеніи). И если бы усопшій собратъ нашъ Александръ могъ явиться нынѣ духомъ своимъ среди ликующихъ и сказать имъ слово свое, то—убѣждены мы—ничего другого не сказалъ бы онъ всѣмъ намъ, кромѣ слезной, пламенной, рыдающей просьбы: молитесь обо мнѣ, молитесь обо мнѣ, друзья и братья! Спасибо вамъ за любовь вашу; спасибо за хвалы ваши. Но не хвалы ваши нужны мнѣ нынѣ; не воспѣванья ваши нынѣ мнѣ полезны. Обнаженный отъ всякой земной славы своей, стою я нынѣ тамъ, идѣже нѣсть лицепріятія; и ни единого вопроса о томъ, великое или малое содѣлалъ я среди васъ, а единымъ роковымъ вопросомъ—вотъ уже шестьдесятъ два, по вашему, года, яко день единъ предъ Богомъ, томлюсь я и трепещу: что доброе—что злое сдѣлано и буду трепетать и томиться до той невѣдомой и страшной минуты, когда окончательно и безповоротно

сказано будетъ мнѣ самому, чего больше: пшеницы или плевель посѣялъ я своимъ обильнымъ разнороднымъ, необъятнымъ сѣяніемъ. Молитесь же, чтобы вмѣнилъ мнѣ Господь во оправданіе ту безотрадную, испорченную, загубленную жизнь, какую сложили мнѣ на землѣ безпошадныя мои и чужія страсти, легкомысліе и заблужденія. Молитесь, да покроетъ меня за гробомъ новая, истинная, небесная слава, хотя въ сотой долѣ противъ того, чѣмъ покрываетъ меня нынѣ ваша земная, призрачная, сомнительная, для меня бесплодная слава!

Вотъ что сказалъ бы намъ собратъ нашъ, рабъ Божій Александръ. Вотъ что обязаны сказать за него и мы, пастыри церковныя, каждому, желающему слушать насъ. Молитесь о немъ, непрестанно молитесь; и о немъ именно, больше чѣмъ о комъ либо, сугубо—умиленно молитесь! Почему такъ? Потому, что „кому больше дано, съ того больше и взыщется“. А кому же изъ всей Россіи за эти сто лѣтъ было больше дано, какъ не Пушкину? Если Императоръ Николай, видѣвшій передъ собою вѣхъ великихъ своей эпохи и на вѣхъ ихъ поприщахъ—если самъ онъ, побесѣдовавъ съ Пушкинымъ на 27 году его жизни, сказалъ о себѣ, что онъ говорилъ съ умнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи, то можно же себѣ представить, что это былъ за умъ, что за сила была это! А лѣтъ за десять передъ этимъ—кто изъ насъ не знаетъ этого мальчика-лицеиста, который царилъ своими феноменальными способностями и острымъ словомъ надъ вѣми классами заведенія? Вѣдь уже въ это время его чудовищная память заставляла краснѣть профессоровъ, когда онъ, ради шутки, повторилъ, говорятъ, кому-то изъ нихъ слово въ слово, не пропустивъ ни одного союза, почти часовую лекцію, выслушанную классомъ. Вѣдь уже въ это время маститый поэтъ—вельможа, пѣвецъ царей, который по извѣстному, можетъ быть и ложному, но характерному разсказу—забывался до гордой двусмысленной фразы: единъ есть „Богъ“ (ода)—единъ Державинъ—склонилъ свою гордую съдую голову на публичномъ экзаменѣ передъ

16 тилѣтнимъ школьникомъ, читавшимъ свое стихотвореніе, и со слезами сказалъ, что уступаетъ ему славу свою и дорогу свою; а другой не менѣе великій дотолѣ поэтъ, „пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“, немного позже, дарилъ ему портретъ свой, съ надписью: „побѣдившему ученику отъ побѣжденнаго учителя“...

Такимъ образомъ мы знаемъ, что Пушкинъ въ 15—17 лѣтъ возраста, въ школѣ, уже былъ признанъ мыслительнѣе великихъ мыслителей Россіи; а отсюда, переносясь мыслию въ болѣе раннее его дѣтство, въ семью, думаемъ не ошибиться, если скажемъ, что Пушкинъ, въ 9—10 лѣтъ былъ мыслительнѣе всѣхъ легкомысленнѣйшихъ членовъ семьи своей. И если душу обыкновеннаго талантливаго ребенка можно сравнить съ открытой настѣжъ таинственной лабораторіей, въ которую влетаетъ и перерабатывается тамъ въ будущіе продукты блага или зла большая часть окружающаго; то душу ребенка-генія должно уподобить чудовищному жерлу огненнаго горна, который поглощаетъ все окружающее, чтобы впослѣдствіи, по своему переплавивъ все это, изрыгнуть міру или струи чистаго золота, или потоки безобразной, губительной лавы—смотря по качеству того, что въ него влетало. А кто же изъ насъ не знаетъ и того, какіе матеріалы и какого качества входили въ душу Пушкина въ эти именно, дѣтскіе, безцѣнные годы собиранія жизненныхъ запасовъ духа?

Нѣтъ времени, да нѣтъ и нужды подробно описывать строй и складъ всѣмъ извѣстной въ общихъ чертахъ семейной обстановки дѣтства Пушкина. Достаточно только сказать, что это была типичнѣйшая великосвѣтская семья конца XVIII и начала XIX вѣка, чуждая всего, что серьезно, что важно, надъ чѣмъ думать нужно. Эти люди, по выраженію извѣстнаго писателя той эпохи,*) считали единственнымъ недостаткомъ и несчастіемъ своимъ то, что родились въ Россіи. Франція, Франція—этотъ очагъ духовной чумы тогдашней Европы—нигдѣ не считалась

*) Фонвизина.

такимъ всепоклоняемымъ идеаломъ, какъ въ этихъ, якобы русскихъ, семьяхъ. Широко-гостепріимно раскрыты были двери этихъ домовъ всѣмъ, темнымъ внутренно, вылощеннымъ внѣшне бродягамъ, исчадіямъ революціонной „свободомыслящей“ страны, ниспровергшей все святое и чтимое и нигдѣ съ такимъ благоговѣніемъ не принимались эти пришлецы и ихъ чумныя идеи, какъ въ этихъ семьяхъ, уже заранѣе подготовленныхъ къ тому чтеніемъ отрицательной литературы той же Франціи. И становились — что всего ужаснѣе — эти люди, за неспособностью ни къ чему другому, въ ряды воспитателей и учителей къ дѣтямъ въ семьяхъ этихъ, глумясь и издѣваясь надъ „варварской“ Россіею и надо всѣмъ, что свято и дорого сердцу человека вообще, и русскому православному сердцу въ частности. И вотъ въ чемъ первое, величайшее, такъ сказать, центральное несчастіе нашего Пушкина: его исключительная, феноменально чуткая во всѣхъ отношеніяхъ натура не знала въ дѣтствѣ ласкъ отца и матери, не испытала благотворнѣйшаго вліянія и любви, и охраны родительской. Родители кружились въ вихрѣ „свѣта“, безконтрольно сдавъ дѣтей и особенно нелюбимаго матерью неудержимаго мальчика всецѣло на руки ужасныхъ руководителей пришельцевъ и мысля французское воспитаніе дитяти высшимъ проявленіемъ своей собственной культурности. И возрасталъ ребенокъ-Пушкинъ подъ этими чуждыми вліяніями — безъ Бога, безъ вѣры, безъ упованій, въ идеяхъ крайняго французскаго свободомыслія и вольномыслія, перечитывая и поглощая гениальной душою въ 9—10 лѣтъ разнузданнѣйшую литературу революціонной Франціи; и — съ увѣренностью можно сказать — вѣроятно, не имѣлъ бы онъ въ это время и понятія о томъ, что такое крестное знаменіе и для чего оно нужно, если бы не было около него въ это время его приснопамятной старушки — няни...

Плоды этого сѣянія не замедлили обнаружиться. Гениальная душа выливалась въ блестящихъ образцахъ слова,

начиная съ 13 лѣтняго возраста; но что выражалось этимъ словомъ въ первый періодъ Пушкинскаго творчества, каковъ былъ преобладающій характеръ этого творчества, о томъ, принимая во вниманіе дѣтскій возрастъ пѣвца, за весьма немногими исключеніями, мыслить грустно, а въ стѣнахъ храма Божія и вообще говорить невозможно.

И очнулся Пушкинъ отъ этого недобраго сна уже только въ 24 года, только тогда, когда грянула надъ нимъ гроза гнѣва царскаго, вызванная его неудержимымъ вольнодумствомъ религіозно-нравственнымъ и политическимъ. А очнувшись, онъ и самъ во многихъ своихъ произведеніяхъ этого времени съ ужасомъ и тоскою оглянулся на свое прошедшее. Но и подъ этой грозой, только съ 1824 года, на 25 году своей жизни, заключенный въ безвыѣздное уединеніе села Михайловскаго, Пушкинъ, по общему признанію его историковъ, начинаетъ серьезный, блестящій, прославившій его имя періодъ своей дѣятельности. Гнѣвъ царскій, какъ гнѣвъ Божій, милосердо охраняющій человѣка, спасъ намъ нашего поэта, пробудилъ въ немъ высочайшія и лучшія стороны его духа, поставилъ его на достойную его генія дорогу. И самъ Пушкинъ въ одномъ изъ стихотвореній этихъ годовъ искреннѣйше сравниваетъ себя съ блуднымъ сыномъ, растратившимъ не на добро свои необъятныя духовныя богатства. Но и въ эту эпоху, во дни духовнаго возрожденія и прозрѣнія Пушкина, читая его дѣйствительно величайшія произведенія, увѣковѣчившія его имя во всемъ мірѣ, невольно думаешь себѣ: Боже мой! Если только въ самомъ себѣ этотъ небывалый богатырь русскаго творчества нашелъ столько неизобразимой силы, столько проникновенной способности вызвать, воплотить, приковать къ себѣ все, что есть лучшаго въ русской душѣ и сердцѣ; если нарочито съ дѣтства разобщенный отъ всего, чѣмъ звучать струны русскаго сердца, возмогъ человѣкъ этотъ на вѣки заставить сердце русское звучать могучими звуками самосознанія и силы, то что же было бы, еслибы эта колоссальная сила вѣко-

вого генія русскаго возросла и воспиталась въ національныхъ завѣтахъ, въ любви и покорности св. вѣрѣ и церкви, была ознакомлена съ источникомъ Божественнаго свѣта души, св. Библией, вникла бы въ дивную духовную поэзію нашего Богослуженія и поработала бы по преимуществу надъ темами, мотивами, образами, озаряющими душу свѣтомъ иной, вѣчной, влекущей къ себѣ жизни, во свѣтѣ которыхъ и возникалъ весь русскій бытъ, складъ, сила и величіе. Увы! Въ области религіозныхъ мотивовъ мы имѣемъ отъ Пушкина всего счетомъ пять-шесть коротенькихъ, туманно неопредѣленныхъ и слабѣйшихъ стихотвореній. Это—тяжелое по стиху и сравнительно блѣдное по мысли изображеніе безвѣрія, затѣмъ весьма слабое (для Пушкина) переложеніе великопостной молитвы „Господи и Владыко живота моего“, написанное за годъ до смерти (и зародившееся, говорятъ, въ силу случайной необходимости) и другія. Есть, правда, и здѣсь дѣйствительно дивное произведеніе „Пророкъ;“ но—увы и улы!—навѣянное поэту не Библией, а цѣликомъ переложенное въ дивныя строфы и рѣзмы изъ фантастическихъ бредней Кораана, читанныхъ во французскомъ переводѣ. Библию же, очевидно, мало читалъ (если только читалъ) Пушкинъ; въ содержаніе церковныхъ пѣснопѣній нашихъ никогда не вдумывался; надъ служителями церкви, какъ сынъ своего всеотрицающаго времени, игриво шутилъ, (чтобы не сказать болѣе). Оттого религіозный элементъ въ поэзіи Пушкина блѣденъ и слабъ, можно сказать, почти до отсутствія.

А между тѣмъ это была идеально русская душа, простая, искренняя, любящая! И особенно грустно и больно становится за поэта-генія съ 1887 года, когда, за истеченіемъ законнаго 50-лѣтняго срока литературной собственности, въ среду усердѣйше развращаемаго, въ печати чѣмъ только можно, народа русскаго пошло все, что когда либо, гдѣ либо, какъ либо написалъ Пушкинъ, что только могли собрать его немногодумные хвалители, раско-

павъ весь бумажный соръ поэта и пустивъ въ свѣтъ надъ безотвѣтной его могилою очень многое совѣмъ нечистое, совѣмъ пошлое, даже богохульное, что писалось несчастнымъ окованнымъ страстями гениемъ въ эпоху его полной необузданности, въ минуты, можетъ быть сугубаго, исключительнаго, искусственнаго омраченія ничѣмъ и ни въ чемъ не сдерживавшейся его мысли и фантазіи. Для чего и зачѣмъ печаталось и пущено это многое, все, о чемъ плакалъ, что проклиналъ, что желалъ уничтожить поэтъ въ годы своего возрожденія подъ воспитующимъ вліяніемъ благороднѣйшаго Царя и всепрощающей Церкви, не знаемъ; *) но со всецѣлымъ убѣжденіемъ говоримъ, что не Пушкина въ этихъ изданіяхъ стремились распространять его „культурные“ почитатели, а себя самихъ и тѣ идеи, которыя у него срывались, можетъ быть, случайно и необдуманно, а въ нашемъ обществѣ развились и созрѣли подъ вліяніемъ эпохъ послѣ Пушкина бывшихъ, эпохъ окончательно разнуздавшихъ русскую мысль и слово; подъ вліяніемъ собственнаго безвѣрія и глумленія надъ чтимыми основами русскаго бытія въ нашемъ современномъ обществѣ. Къ славѣ ли поэта, не къ позору ли его, наоборотъ, напечатано и читается увѣковѣченное въ литературѣ это многое такое, чего ужаснулся бы и постыдился бы онъ, какъ величайшій и благороднѣйшій поэтъ, какъ гениальный человѣкъ, какъ раскаявшійся, наконецъ, предсмертнымъ поканіемъ сынъ православной церкви. А между тѣмъ это омрачаетъ золотыя страницы его поэзіи, попавъ туда единственно потому, что онъ, если и думалъ о смерти вообще своей универсальной думою,

*) *Примѣчаніе (не сказанное).* Мы понимаемъ цѣль такъ называемыхъ академическихъ изданій поэтовъ, гдѣ печатается каждая найденная строчка, снабжаясь примѣчаніями историческими, психологическими, бытовыми и проч.; но изданій безъ всякаго уясненія, назначаемыхъ публикѣ, народу, даже — еще ужаснѣе — дѣтямъ не можемъ объяснить ничѣмъ, кромѣ злонамѣренной надежды на безнаказанность.

то къ своей собственной смерти, въ частности, отнюдь не готовился. И утѣшиться въ этой скорби за опозореннаго нашей разнузданностью поэта мы можемъ только тѣмъ, что все вольнодумное, все нечистое и позорящее, какъ сказали мы уже, оплакано и проклято имъ самимъ, а Господь милосердый, внимая его скорби о содѣянномъ, снизошелъ къ его безцѣнному сердцу и позволилъ этому избраннику своему, изувѣченному на землѣ духовно и физически, заслужить прощеніе св. Церкви, соединившись съ нею св. Тайнами покаянія и Причащенія, хотя уже въ полумертвомъ видѣ!

Помолимся же за него мы, призванные за всѣхъ молиться! Поглощенные учебными трудами нашими, мы не могли устроить въ честь его шумныхъ торжествъ мірскихъ. Да и не нужно это ему тамъ, гдѣ онъ теперъ. Помолимся, да не помянетъ Господь грѣхи юности его и невѣдѣнія его, выставленные безыдейностью его читателей на всенародныя очи! Воздадимъ ему сердечной, всепрощающей, цѣлюющей любовью и молитвой пламенною за то прекрасное, великое и доброе, что находимъ въ твореніяхъ его, достойныхъ его имени, за тѣ отзвуки неба и образы дивно высокіе и свѣтлые, которые знаемъ мы во вдохновеніяхъ его очищеннаго сердца, и которые могъ онъ безтрепетно нести и къ престолу Божию, какъ талантъ не зарытый. Помолимся, особенно сегодня, въ пятый день торжествъ, когда схлынули уже первые порывы неудержимаго восторга славящихъ, когда—убѣждены мы—Россія вымолила ему прощеніе и милость загробную, и великій духъ Пушкина, потрясенный хвалами за гробомъ, можетъ снова успокоиться и дерзновеннѣе вопіять ко Господу:

отъ тайныхъ моихъ очисти мя и отъ чуждыхъ пощади раба Твоего! Грѣхъ юности моя не помяни! По милости Твоей помяни мя Ты, ради благодати Твоея, Господи! И да не хвалюся азъ, премудрый, премудростію своею; да не хвалюся, сильный, силою своею; да не хвалюся, богатый,

душевнымъ богатствомъ своимъ; но о семъ да восхваляюся, хваляйся, яко днесъ увѣдѣхъ Тя, Господи. Аминь.

Ректоръ Семинаріи, Протоіерей
Петръ Смирновъ.

II.

Человѣкъ, какъ предметъ особеннаго промыслительнаго попеченія Божія.

Взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ Небесный питаетъ ихъ. Вы не гораздо ли лучше ихъ?.. И объ одеждѣ что заботитесь? Посмотрите на полевья млы, какъ онѣ растутъ: не трудятся, ни прядутъ; но говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славы своей не одѣвался такъ, какъ каждая изъ нихъ. Если же траву полевую, которая сегодня есть а завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ, кольми паче васъ, маловѣры! Не двѣ ли малыя птицы продаются за ассарій? И ни одна изъ нихъ не упадетъ на землю безъ воли Отца вашего; у васъ же и волосы на головѣ всѣ сочтены. Не бойтесь же: вы лучше многихъ малыхъ птицъ [Мат. 6, 26. 28—30; 10, 29—31].

Когда я смотрю вокругъ себя, вижу богатство твореній, и размышляю о жизни природы и разнообразныхъ ея красотахъ; то невольно исходитъ изъ устъ моихъ хвалебная пѣснь Псалмопѣвца: какъ многочисленны дѣла Твои, Господи! Все содѣлалъ Ты премудро; земля полна милости Твоей (Псал. 103, 24; 118, 64). Все живетъ и движется. Даже тамъ, гдѣ глазъ нашъ не видитъ никакого слѣда движенія и гдѣ твердыя массы лежатъ предъ нами, кажется, безъ жизни и движенія, даже тамъ въ составныхъ стихіяхъ ихъ происходитъ взаимное другъ на друга дѣйствіе: онѣ одна другую отталкиваютъ и притягиваютъ, чудесно соединяются, преобразуются и раждають новые виды. Въ глубинѣ земли, которая мертва и не движется, образуется кристалль, рас-

тетъ золото, твердѣетъ алмазъ. И здѣсь оказывается созидаящая сила, только непримѣтно ея дѣйствіе. Обращаемъ взоръ свой на царство растеній. Хотя бы даже мы не знали и законовъ, по которымъ дѣйствуетъ природа въ этомъ царствѣ, однакожъ ясно видимъ, какъ образуется растеніе, какъ оно спустя мало или много времени снова перерождается, и въ этомъ возрастаніи и въ этой способности продолжать свой родъ проявляется если не другой родъ жизни, то по крайней мѣрѣ высшая ступень ея. Однодневный цвѣтокъ и столѣтній дубъ, скромная фіалка и высокая пальма, вынашиваютъ въ себѣ больше жизни, нежели какая находится въ металлахъ и камняхъ. Далѣе переходимъ къ царству животныхъ. Здѣсь открывается новое зрѣлище жизни. Мы примѣчаемъ здѣсь движеніе, похожее на свободу. Видимъ, какъ разные роды животныхъ сами питаются и рождаютъ; замѣчаемъ въ нихъ способность доставать себѣ пищу, замѣчаемъ чувства удовольствія и болѣзни, и другія многія побужденія и способности. Замѣчаемъ постепенность силъ, различное направленіе и употребленіе ихъ, какъ будто сообразное съ предположенною цѣлю. Но и между самыми животными какая постепенность жизни! Муравей, жукъ и тигръ какое выказываютъ различіе жизни! Одинакова ли крѣпость силъ въ слонѣ и воробѣ, одинаково ли продолженіе жизни орла и мухи? Словомъ, во всемъ населенномъ нами мірѣ вездѣ жизнь и движеніе. Во всѣхъ частяхъ его взаимное дѣйствіе и противодѣйствіе, которымъ поддерживается все цѣлое.

Вездѣ жизнь, хотя она оказывается въ одномъ мѣстѣ тихую, въ другомъ—быстрою и свободною. Если же обратимъ взоръ свой къ высотамъ небеснымъ и посмотримъ на безчисленныя свѣтила и ихъ кругообращеніе, и представимъ себѣ миллионы міровъ, непрестанно вращающихся по одному и тому же пути, и миллионы существъ, которыя населяютъ ихъ; то намъ откроется такое богатство жизни, что изумленный духъ нашъ погружается въ безпредѣльность и, какъ бы уничтожаясь, падаетъ и поклоняется.

Духъ—великое, возвышенное слово! Во всей природѣ есть обиліе жизни и движенія, но духа нѣтъ въ ней самой. Престоль всемогущаго, творческаго, вседвижущаго Духа находится выше земли и выше звѣзднаго неба; престоль Бога выше неба и земли. Лучъ отъ Духа Своего Онъ удѣлилъ человѣку и поставилъ его на высочайшую ступень земной жизни, и далъ ему иное бытіе, чѣмъ всеѣмъ прочимъ, извѣстнымъ намъ, земнымъ твореніямъ. Ибо жизнь человѣка отличается отъ жизни камней, растеній, животныхъ не степенью, но самымъ родомъ бытія. Жизнь его есть чувственно-духовная, и такъ тѣсно соединены въ человѣкѣ эти двѣ, повидимому противорѣчащія, составныя части, что нельзя ни отдѣлить ихъ, ни изъяснить ихъ тѣснаго соединенія. Духъ человѣка не образуется чрезъ постепенное возвышеніе тѣлсной жизни до жизни, свойственной духу. Онъ по началу своему имѣетъ совсѣмъ иной родъ бытія: онъ есть дыханіе устъ Божіихъ (Быт. 2, 7). Посему духъ или душу мы почитаемъ драгоцѣннѣе всего, по той причинѣ, что Богъ ни съ чѣмъ не благоволилъ имѣть общеніе и единеніе Своимъ духовнымъ естествомъ, ни съ какимъ другимъ видимымъ созданіемъ, какъ только съ однимъ человѣкомъ, котораго возлюбилъ болѣе всеѣхъ твореній Своихъ и все покорилъ ему (Псал. 9, 5—9; Быт. 1, 26. 28). Самое устройство тѣла человѣка возвышаетъ его надъ всеѣми прочими земными тварями, ибо тѣло его имѣетъ прямое, обращенное къ небу, положеніе, совершеннѣйшимъ образомъ приспособленное къ дѣятельности духа; одаренъ способностію выражать мысли и чувствованія души посредствомъ членораздѣльнаго голоса; оно есть малый нѣкій міръ, полный величія, стройности и красоты.

Разумъ, самосознаніе и свобода—вотъ силы духа, которыя существенно отличаютъ человѣка отъ прочихъ живыхъ существъ видимаго міра. Какъ существо разумное, человѣкъ одинъ можетъ понимать, судить, умозаключать и возноситься къ высшимъ созерцаніямъ. Какъ существо свободное, онъ одинъ можетъ самъ себя опредѣлять къ дѣятельности по

собственнымъ побужденіямъ, независимо отъ побужденій вѣшнихъ, одинъ способенъ понимать и исполнять что истинно, благо и справедливо, одинъ можетъ восходить отъ совершенства къ совершенству. Какъ существо чувствующее, онъ одинъ съ умиленіемъ и радостнымъ восторгомъ можетъ созерцать и ощущать великія и разнообразныя чудеса природы, премудрый ея порядокъ, чудную ея красоту и величіе,—на всемъ, что представляется его взору, одинъ способенъ питать любовь къ людямъ. Какъ созданный по образу Божію, будучи такъ сказать сроденъ съ Нимъ по самой природѣ своей (Дѣян. 17, 28. 29), онъ одинъ способенъ возвышаться къ Богу и познавать безконечныя Его совершенства, одинъ онъ можетъ приносить разумное служеніе Ему, повѣдать славу Его, и въ Немъ, какъ высочайшемъ своемъ благѣ, и въ тѣснѣйшемъ соединеніи съ Нимъ обрѣтать высочайшее свое благо и блаженство. Человѣкъ поставленъ быть какъ бы посредникомъ между Творцомъ и тварію земною,—быть какъ бы пророкомъ ея, чтобы словомъ и дѣломъ провозвѣщать въ ней волю Божію,—первосвященникомъ, чтобы возносить отъ лица всѣхъ земнородныхъ жертву хвалы и благодаренія Богу,—главою и царемъ, чтобы онъ могъ соединять чрезъ себя все съ Богомъ.

Не на землѣ, однако, конечная цѣль существованія человека, землею не можетъ окончиться его жизнь. Здѣсь только преддверіе той славы, которой желаетъ человекъ нѣкогда достигнуть; а его цѣль—сдѣлаться болѣе и болѣе совершеннымъ, чистымъ и святымъ, находится въ вѣчной будущности, на небѣ. Тамъ—продолженіе и развитіе безъ конца и препятствій тѣхъ богоподобныхъ стремленій духа его, которымъ здѣсь положено только начало и которыя здѣсь раскрываются въ борьбѣ съ противоположными имъ стремленіями. Тамъ онъ находитъ истину, очищенную отъ всего того, что примѣшивалъ къ ней ограниченный умъ человѣческій; тамъ онъ находитъ святость не кажущуюся, но дѣйствительную; тамъ онъ находитъ правду, полную, совершенную, не взирающую на лице людей. А главное—тамъ

онъ находить любовь, любовь, которой жаждало его сердце и которую онъ часто видѣлъ на землѣ, соединенную со столь многими страданіями. Тамъ, въ соединеніи съ безконечнымъ источникомъ духовной жизни и всякаго совершенства, тамъ покой и миръ всѣмъ его благороднымъ стремленіямъ, всѣмъ чистымъ желаніямъ сердца. Земля же, поэтому, данная въ обладаніе человѣку, должна служить для него только поприщемъ развитія и преспѣванія его духовной богоподобной природы, а все земное и чувственное должно быть для него средствомъ къ этой важной и возвышенной цѣли. Одаренный способностію познаванія, сколько онъ можетъ найти самой благородной и прѣдательной пищи для своего разума въ представляемомъ ему землею и другими міровыми тѣлами необозримомъ рядѣ безчисленныхъ и до безконечности разнообразныхъ дѣлъ Божіихъ! Одаренный волею, способною къ самоопредѣленію и могуществу, сколько онъ можетъ найти здѣсь возбуждающихъ и вызывающихъ поводовъ къ ея обнаруженію и саморазвитію! Надѣленный способностію чувства и любви, сколько онъ можетъ найти самой возвышенной пищи для воспитанія и развитія и этой способности, окруженный прекрасными созданіями Божіими и взирая на другіе безчисленные небесные міры, представляющіе собою величественно-художественное произведеніе рукъ Божіихъ.

Создавши столь прекраснымъ міръ, Богъ, однако, не остается безучастнымъ зрителемъ всего того, что есть и происходитъ въ мірѣ. Нѣтъ; здѣсь всегда Онъ является тѣмъ, чѣмъ есть отецъ въ своемъ домѣ или верховный владыка и царь въ своемъ царствѣ. Онъ все держитъ словомъ силы Своей (Евр. 1, 3), въ Его рукъ душа всего живущаго (Іов. 12, 10). Если бы сокрыто было Имъ лице Его, то все пришло бы въ смятеніе (Псал. 103, 29), погибла бы всякая плоть (Іов. 34, 14). Онъ все оживляетъ и всему даетъ жизнь, и дыханіе, и все (Неем. 9, 6; Дѣян. 17, 25). Потому-то очи всѣхъ уповаютъ на Него, и Онъ даетъ имъ пищу въ свое время, открываетъ руку Свою и насыщаетъ все живущее

по благоволенію (Псал. 144, 15. 16). Онъ ничего не оставляетъ безъ Своего промыслительнаго попеченія, даже и полевыхъ лилій, Имъ Самимъ одѣваемыхъ, и птицъ небесныхъ, безъ Его воли не падающихъ (Матѣ. 6, 29. 30; 10, 29).

Эта неизреченная благость или любовь Божія непрерывно и вездѣ является въ своихъ промыслительныхъ дѣйствіяхъ о мірѣ, какъ выражается объ этомъ Псаломопѣвецъ: *благъ Господь ко всѣмъ и щедроты Его на всѣхъ дѣлахъ Его* (Псал. 144, 9). Волѣ же всего она проявляетъ свою очечески—промыслительную дѣятельность въ отношеніи къ человѣку, какъ такому существу, которое одно между всѣми другими тварями земными способно любить Его и находить въ Немъ для себя блаженство. Изводя человѣка изъ чрева матери и назначая ему предѣлы жизни, Богъ во всю его жизнь, какъ отецъ, всѣ заботы о немъ принимаетъ на Себя. Онъ любитъ его даже больше, чѣмъ любитъ другъ своего друга или мать и отецъ свое родное дитя, о чемъ свидѣтельствуется Самъ Онъ: *забудетъ ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалѣть сына чрева своего? если бы и она забыла, но Я не забуду тебя* (Исаи 49, 15). Будучи близокъ къ каждому и зная помышленія каждаго (Дѣян. 17, 27. Псал. 138, 2), чувствованія (Псал. 7, 10) и даже вздохи (Псал. 78, 11), Онъ подаетъ потребное всѣмъ, прежде чѣмъ у Него попросить о томъ (Матѣ. 6, 32), преклоняетъ ухо Свое къ молитвѣ просящаго (Псал. 85, 1; 17, 7) и исполняетъ просимое имъ, если только оно проистекаетъ изъ искренней и живой вѣры и согласно бываетъ съ волею и славою Божіею, и также съ собственнымъ благомъ просящаго (Матѣ. 17, 20; 6, 10; Іоан. 14, 13). Онъ до того простираетъ Свою попечительность о немъ, что безъ Его воли и волосъ съ головы его не падаетъ (Матѣ. 10, 30).

Никогда язычникъ не чувствовалъ, чтобы сердце вездѣсущаго Отца билось во вселенной или въ его собственномъ бытіи; никогда онъ не чувствовалъ свободы въ своихъ дѣйствіяхъ и независимости отъ судьбы или рока. Въ глазахъ древняго человѣка враждебная сила, господствующая

даже надъ самыми богами, не знающая ни закона, ни любви, прихотливо играла счастьемъ человѣческимъ. И въ чемъ было несчастному искать утѣшенія отъ неотразимыхъ ударовъ сильнаго могущества, не управляемаго никакими законами? въ чемъ полагать средства примиренія? Свѣжія силы и молодость тогдашняго человѣчества располагали его къ веселію и наслажденіямъ. Но когда среди веселаго пира являлась рука незримаго Существа и надъ головами пирующихъ писала грозныя слова нежданнаго приговора судьбы (Дан. 5 гл.), цѣпенѣло собраніе, замиралъ духъ и мѣсто радости занимало безвыходное отчаяніе.

Вѣровать въ Бога, Который все держитъ словомъ силы Своей и все животворитъ (1 Тим. 6, 13), безъ сомнѣнія, очень важно. Въ подобномъ вѣрованіи заключается великая сила и ни съ чѣмъ несравнимое утѣшеніе. Что стало бы съ христіанской религіей безъ вѣры въ этотъ Промыслъ, и зачѣмъ мы существовали бы на землѣ? Однако, какъ много людей, которые, признавая эту истину въ теоріи, никогда не испытывали могучаго утѣшительнаго дѣйствія ея въ жизни? Съ другой стороны, какъ часто представляютъ эту истину въ такомъ видѣ, что даже любящія и благородныя сердца по справедливости могутъ отвернуться отъ нея? Есть, на примѣръ, христіане, которые охотно вѣрятъ въ Божественное Провидѣніе живя среди изнѣженной празднои жизни, среди земнаго счастья и роскоши,—когда видятъ, что судьба ихъ, какъ и многихъ другихъ, подобныхъ имъ, совершенно отлична отъ судьбы всѣхъ другихъ, что Провидѣніе все устроило къ ихъ счастью и благополучію. Разражается ли, на примѣръ, надъ какимъ-либо городомъ страшная эпидемія, вѣрующій, уцѣлѣвшій въ общей смертности, расположенъ видѣть въ этомъ фактѣ знакъ особеннаго къ нему благоволенія Божія. Другой, на примѣръ, спасается отъ кораблекрушенія. Рассказывая о своемъ избавленіи, онъ даетъ понять, что Богъ заботился и охранялъ лишь его одного, и такимъ образомъ старается доказать другимъ дѣйствительное участіе высшаго Провидѣнія.—Что Богъ дѣйствуетъ въ нашихъ судьбахъ,

спасая нашу жизнь, предохраняя насъ отъ разнаго рода опасностей и страданій, это мы безусловно должны признавать. Но мы должны съ неменьшею рѣшительностію отвергнуть мнѣніе тѣхъ, которые видятъ въ этихъ внѣшнихъ избавленіяхъ отъ бѣдъ вѣрное доказательство особаго къ нимъ благоволенія Божія. Мы должны признать, что несчастные, пораженные возлѣ насъ эпидеміей, потерпѣвшіе крушеніе и поглощенные моремъ, были любимы Богомъ столько же, какъ и мы, и даже, можетъ быть, болѣе. Иначе, напрасно, значить, книга Іова болѣе сорока вѣковъ осуждаетъ это заблужденіе. Напрасно, значить, и самъ Небесный Учитель, Господь Іисусъ, объявилъ намъ, что галилеяне, погибшіе подъ развалинами Силоамской башни, не были виновнѣе другихъ (Лук. 13, 1—5).

А въ этого круга вѣрующихъ съ какою улыбкой встрѣчается повсюду мысль, что мы служимъ предметомъ участія и отеческихъ попеченій со стороны Бога?..

„Какая самонадѣянность, говорятъ намъ, воображать, что мы, жалкія существа, составляемъ предметъ неуспѣшныхъ попеченій Божіихъ? Ваше вѣрованіе, говорятъ, могло бы имѣть мѣсто развѣ во времена отдаленныя, когда были убѣждены, что земля находится въ центрѣ вселенной. Но теперь открытія естественныхъ наукъ, получившія въ послѣднее время ясность и опредѣленность, доходящую до математической точности, дѣлаютъ невозможнымъ библейское міросозерпаніе. Система Коперника, а за нимъ и другія открытія говорятъ намъ, что въ міровомъ пространствѣ существуютъ колоссальныя солнца, величина и блескъ которыхъ въ 1000 разъ болѣе величины и блеска нашего солнца, что гуще и гуще роятся міры, соединяясь въ вращающіяся группы и системы. Одна система млечного пути содержитъ въ себѣ болѣе 20 милліоновъ солнць; число звѣздъ, которыя можно видѣть вооруженнымъ глазомъ, опредѣляется въ настоящее время въ 500,000 милліоновъ. А, между тѣмъ, все это составляетъ малую частицу міра, все это—міровой островокъ между милліонами ему подобныхъ;

въ неизмѣримыхъ высотахъ и глубинахъ, для опредѣленія которыхъ у насъ нѣтъ ни словъ, ни чиселъ, плаваютъ безчисленныя системы міровъ. Среди этихъ безчисленныхъ міровъ земля составляетъ едва-едва замѣтную точку во вселенной; она незначительный спутникъ одного изъ незначительнѣйшихъ солнць. Какъ можно думать послѣ этого, что земля имѣетъ такое значеніе, какое усвоетъ ей библейское ученіе? Какъ допустить, что человѣкъ, это маленькое земное существо, такъ много значитъ въ намѣреніяхъ и планахъ Божіихъ, что онъ составляетъ предметъ его любви и внимательныхъ заботъ? Не странно ли предполагать, что всемогущее Существо вмѣшивается въ событія такой ничтожной цѣны? Развѣ связывать Его имя съ обыденными мелочами жизни не значитъ унижать Его? Вотъ въ этомъ состоитъ возраженіе противъ вѣры въ высшее Провидѣніе о человѣкѣ, которое часто дѣлаютъ намъ на основаніи научныхъ открытій.

Кто не тревожилъ себя подобными мыслями? Кто не спрашивалъ себя: дѣйствительно ли въ этой необъятности твореній, гдѣ нашъ земной шаръ представляется только пылинкой, взглядъ верховнаго Существа направляется на нее и различаетъ меня самого? Доносится ли до Него моя молитва, и мое состояніе извѣстно ли Ему?

Несомнѣнно, что естественныя науки въ наше время дѣлаютъ гигантскіе шаги и что самая неоспоримая слава нашего времени состоитъ въ открытіи въ физическомъ мірѣ множества новыхъ и новыхъ явленій и въ приведеніи ихъ къ точнымъ законамъ. Область неизвѣстнаго съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе суживается и участіе воображенія въ объясненіи естественныхъ явленій уненьшается. Но въ какомъ отношеніи самое глубокое знаніе природы противодѣйствуетъ вѣрѣ въ промыслительное попеченіе Божіе о людяхъ? Намъ кажется даже страннымъ, что за опроверженіе христіанства научными открытіями берутся люди посторонніе, а не тѣ изслѣдователи природы, которымъ принадлежатъ открытія. Послѣднимъ естественно было бы прежде

самимъ разойтись съ христіанствомъ, а между тѣмъ все они были проникнуты глубокимъ благоговѣніемъ предъ Творцомъ и Промыслителемъ вселенной, и чѣмъ болѣе ясны были для нихъ тайны природы, тѣмъ болѣе и болѣе укрѣплялось въ нихъ это благоговѣніе. Что самъ Коперникъ не былъ тѣхъ мнѣній, какія впоследствии вывели изъ его системы, это несомнѣнно. Въ Пруссіи, въ городѣ Торнѣ есть церковь св. Іоанна. Тамъ стоитъ гробница Коперника съ надписью, которую онъ составилъ самъ себѣ и которую завѣщаваль написать на своей гробницѣ послѣ смерти. Вотъ эта надпись: „Не милости, которой сподобился Павель, я желаю, и не снисхожденія, по которому Ты простилъ Петра. Только о томъ снисхожденіи, которое Ты оказалъ на крестѣ разбойнику, только объ этомъ молю я“. Это чувство благоговѣнія предъ Творцомъ и Промыслителемъ вселенной Кеплеръ выражаетъ въ пламенной и смиренной молитвѣ, которою онъ заключаетъ одно изъ своихъ астрономическихъ сочиненій „О гармоніи міровъ“: „Благодарю Тебя, Создатель и Богъ мой, за то, что Ты даровалъ мнѣ эту радость о твореніи Твоемъ, это восхищеніе дѣлами рукъ Твоихъ. Я открылъ величіе дѣлъ Твоихъ людямъ насколько мой конечный духъ могъ постигнуть Твою безконечность. Если я сказалъ что-нибудь недостойное Тебя, то прости меня милостиво“. Это же чувство выражаетъ и Ньютонъ (который всякій разъ, какъ произносилъ имя Божіе, вставалъ и снималъ съ головы шляпу) въ слѣдующихъ словахъ, которыми заключаетъ онъ одно изъ своихъ сочиненій: „Все правильныя движенія (въ солнечной системѣ) происходятъ не отъ причинъ механическихъ. Этотъ прекраснѣйшій союзъ солнца, планетъ и кометъ могъ произойти только отъ назначенія и власти Существа разумнаго. Всѣмъ этимъ управляетъ не душа міра, а Господь всяческихъ, Вседержитель вѣчный, безконечный, всесовершенный, всевѣдущій, всемогущій, вездѣсущій. Мы знаемъ его только по Его свойствамъ, только по премудрому и всеблагому устройству всѣхъ вещей и по причинамъ конечнымъ, и чтимъ зная Его

владычество; ибо безъ владычества, безъ промысла и безъ причинъ конечныхъ Богъ былъ бы не болѣе, какъ судьба или природа“. Такъ относились къ высочайшему Существу великіе ученые изслѣдователи природы.

Несомнѣнно также и то, что само свящ. Писаніе съ особенною силою говоритъ намъ о величіи Божіемъ и о нашемъ собственномъ ничтожествѣ. Какая поразительная картина сравненія нашего ничтожества съ величіемъ Божіимъ изображается отъ лица Божія въ слѣдующихъ, на примѣръ, словахъ пророка: *Кто исчерпалъ воды горстію своею, и пядію измѣрилъ небеса, и вмѣстилъ въ мѣру прахъ земли и взвѣсилъ на вѣсахъ горы и на чашихъ вѣсовыхъ холмы? Кто уразумѣлъ духъ Господа, и былъ совѣтникомъ у Него и училъ Его? Съ кѣмъ совѣтуется Онъ, и кто вразумляетъ Его, и наставляетъ Его на путь правды, и учитъ Его знанію, и указываетъ Ему путь мудрости? Вотъ народы какъ капля изъ ведра, и считаются какъ пылинки на вѣсахъ. Вотъ, острова какъ порошинку поднимаетъ Онъ (Исаіи 40, 12—25). Но какое заключеніе изъ этого выводитъ пророкъ? Какъ же говоришь ты, Іаковъ, и высказываешь, Израиль: „путь мой сокрытъ отъ Господа, и дѣло мое забыто у Бога моего“. Развѣ ты не знаешь? Развѣ ты не читалъ, что вѣчный Господь Богъ, сотворившій концы земли, не утомляется и не изнемогаетъ; разумъ Его неисповѣдимъ. Онъ даетъ утомленному силу и изнемогшему даруетъ крѣпость (Исаіи 40, 27—29). И еще: не бойся, Я съ тобою; не смущайся, ибо Я Богъ твой. Я укрѣплю тебя и помогу тебѣ, и поддержу тебя десницею правды Моей (—41, 10). Не говори, пипеть премудрый сынъ Сираха, не говори: „Я сокрытъ отъ Господа, и кто на небѣ думаетъ обо мнѣ? Во множествѣ людей я не замѣтенъ; ибо что значитъ душа моя въ безмѣрномъ твореніи“. Се небо и небо небесъ, бездна и земля колеблются отъ Его взора. Горы и основанія земли трепещутъ отъ страха, когда Онъ взираетъ на нихъ (Сир. 16, 16—19).*

Итакъ, Предвѣчный великъ, слѣдовательно, Онъ бережетъ самыхъ малыхъ, — вотъ разсужденіе слова Божія. Думать иначе — значило бы не имѣть понятія о самомъ величіи, или имѣть превратное понятіе о немъ. Въ самомъ дѣлѣ, Богъ, проявившій столько мудрости и предусмотрительности въ устроении бытія ничтожнѣйшему изъ своихъ созданий, Богъ, одарившій такой дивной прелестію, такимъ чуднымъ великолѣпіемъ и полевые цвѣты и поднебесныхъ птицъ, прелестію и великолѣпіемъ, которыхъ никогда не достигнуть человѣческому искусству, этотъ ли Богъ слишкомъ великъ, чтобы внимать нашей скорби, нашей молитвѣ? Развѣ высшее величіе не проявляется въ высшемъ же попеченіи? Развѣ любовь умалится отъ того, что объемлетъ собою весь міръ? Развѣ всевѣдѣніе и безпредѣльное милосердіе не составляютъ неотъемлемыхъ проявленій и Божественной природы? Назовемъ ли мы великимъ человѣка государственнаго или полководца, который въ своихъ планахъ административныхъ или военныхъ думалъ бы, что можетъ обойтись безъ маловажныхъ вещей? Кто не видитъ, напротивъ, что самымъ очевиднымъ признакомъ истиннаго величія служить то, что оно разомъ господствуетъ надъ всѣмъ, что оно охватываетъ своимъ обширнымъ и точнымъ взглядомъ какъ цѣлое, такъ и части, какъ бы послѣднія не казались иногда малозначащи.

Какъ на небѣ, такъ и на землѣ, ничто не изъято изъ управленія и провидѣнія Божія, и попеченіе Творца простирается на все какъ на невидимое, такъ и на видимое, какъ на великое, такъ и на малое, потому что и всѣ творенія имѣютъ нужду въ промысленіи Творца и каждое порознь, по своей природѣ и по своему назначенію. Каждая вещь не сама по себѣ, а по провидѣнію Божію получила и получаетъ и собственный видъ, и порядокъ, и число, и величину, такъ что ничего не было и не бываетъ напрасно и случайно. Въ томъ собственно и открывается съ особенною силою благость и величіе Творца, что Онъ промышляетъ не только о великомъ и громадномъ, но и о маломъ и повидимому нич-

тожномъ, не только промышляетъ о небѣ и землѣ, ангелахъ и людяхъ, но и о малѣйшихъ животныхъ, птицахъ, травахъ, цвѣтахъ и деревьяхъ.

Но, скажутъ: возможно ли допустить, чтобы Богъ заболѣлъ о каждомъ изъ своихъ созданій въ отдѣльности, коль скоро вѣрно то, что Онъ управляетъ вселенною по неизмѣннымъ законамъ, которые не могутъ быть упразднены и которые не допускаютъ никакихъ исключеній? Можемъ ли мы надѣяться, чтобы эти законы измѣнялись по нашему произволу,—чтобы болѣзнь или смерть миновали насъ изъ-за того только, что мы молимся Богу и именуемъ себя Его дѣтьми?

Что Богъ, въ котораго мы вѣруемъ, есть Богъ порядка и что Онъ управляетъ вселенной посредствомъ законовъ, это мы признаемъ, какъ и наши противники. Но что изъ этого слѣдуетъ? какой выводъ должно извлечь отсюда?—тотъ ли, что промышленіе Божіе о мірѣ и о человѣкѣ, въ частности, было бы лишнимъ и даже вреднымъ для него вмѣшательствомъ, или что промышленіе Божіе было бы со стороны Его поправкою Своего произведенія и Себя самого? Можно ли назвать вмѣшательствомъ то дѣйствіе любви, мудрости и всемогущества, которое обращается Богомъ на Его собственный міръ и притомъ міръ безусловно во всемъ этомъ нуждающійся для поддержанія своего существованія и достиженія предназначенной ему цѣли? Можно ли назвать поправкою со стороны Бога Своего дѣла и Самого Себя то, если Онъ, благоволивши создать міръ не какъ нѣчто совершенно законченное, а какъ живой, постепенно развивающійся и обновляющійся организмъ, постоянно блюдетъ за его судьбою и непрерывно направляетъ и ведетъ его къ тѣмъ цѣлямъ, постепенное достиженіе которыхъ предначертано было въ Божественномъ умѣ еще отъ вѣчности? Или Богъ до того связанъ созданными Имъ же законами, что внѣ ихъ нѣтъ болѣе мѣста ни для Его могущества, ни для Его свободы, ни для Его любви? Но тогда пришлось бы отвернуть и это могущество, и эту свободу, и эту любовь,

и признать, что нѣтъ другаго Бога, кромѣ управляющихъ нами законовъ. Развѣ въ благоустроенномъ государствѣ, гдѣ законы и справедливы и тверды, не бываетъ того же самаго? Развѣ государь, установившій и соблюдающій законы, не можетъ оказать особеннаго расположенія никому изъ своихъ подданныхъ? Развѣ онъ не вправѣ утѣшать страждущихъ и поднимать нравственно-падшихъ? Развѣ разъ водворенный имъ порядокъ и государственный строй лишаетъ его права и возможности проявлять свою любовь? Нѣтъ, мы стоимъ предъ лицомъ не только нравственнаго міроустройства съ его вѣчными законами, но и свободно дѣйствующаго Бога, провидѣніе Котораго ведетъ къ своей конечной цѣли исторію всего рода человѣческаго, а равно и каждого отдѣльнаго человѣка. Мы должны представлять себѣ Божественную волю, какъ премудрую и благую волю, которая не только заключена и сокрыта въ системѣ міровыхъ законовъ, но и вступаетъ въ личное взаимное общеніе съ сотворенными Имъ личностями. Воздѣйствія со стороны Бога на каждую изъ сотворенныхъ Имъ тварей могутъ исходить не изъ Богоустановленной связи конечныхъ причинъ, но также и прямо изъ области Его внутренней Божественной жизни; при чемъ каждая отдѣльная тварь должна имѣть открытую, доступную сторону для воздѣйствія Творца. Вотъ почему всѣ народы,—всѣхъ странъ и временъ, всякихъ общественныхъ состояній и ступеней просвѣщенія,—молятся, всѣ стремятся къ удаленной отъ нихъ области Божественной жизни. Стремленіе къ жизни съ Божествомъ, присущее каждому человѣку на всѣхъ ступеняхъ его развитія, составляло для первозданнаго человѣка задачу его духовной жизни. Задача эта не измѣнилась и по паденіи человѣка, когда онъ потерялъ первобытную близость къ Богу. Съ тѣхъ поръ, какъ сказано было падшимъ человѣкомъ первое слово молитвы къ Богу, вновь началось это тяготѣніе человѣческаго духа къ духу Божественному, начался, такъ сказать, токъ жизни отъ земли къ небу, и обратно—отъ неба къ землѣ. Чѣмъ сильнѣе становился

этотъ вопль грѣшнаго человѣка къ небу, тѣмъ болѣе приближалось къ нему Божество, и наконецъ само низошло на землю, воплотилось и вочеловѣчилось. Вочеловѣченіе Божества есть именно такой отзывъ со стороны неба на зовъ страдавшаго человѣка,—чудесное, поразительное дѣйствіе всеблагаго Бога, Который приблизился къ человѣку, соединился съ нимъ, чтобы обновить Собою его существо, уврачевать его духовныя язвы.

Изъ Пятницкій.

(Продолженіе будетъ).

III.

Паломничество учениковъ церковно-приходской школы Александро-Невской церкви г. Майкопа.

Какъ часто приходится намъ слышать и читать разказы о дальнихъ странствованіяхъ, о посѣщеніи православныхъ монастырей въ Россіи и въ то же время почти ничего не знать о монастыряхъ, существующихъ подлѣ насъ. Михайло-Аюонская Закубанская общежительная мужская пустынь, отстоящая отъ Майкопа верстахъ въ 45, преимущественно доступная весною и лѣтомъ, привлекаетъ боголюбивыхъ поклонниковъ издалека. Посѣтить эту сосѣднюю обитель и тѣмъ закончить учебный годъ было давнишнимъ и горячимъ желаніемъ учащихся и учащихъ церковно-приходской школы Александро-Невской церкви г. Майкопа. И Господь сподобилъ осуществить это желаніе. Заручившись согласіемъ родителей, 14 мая, съ ранняго утра, дѣти стали сносить въ школу свои незатѣйливые дорожные пожитки; изъ всѣхъ желающихъ путешествовать было выбрано 24 человѣка болѣе здоровыхъ и надежныхъ въ пути, къ нимъ примкнули 6 мальчиковъ, призрѣваемыхъ убѣжищемъ Свято-Осіевскаго Братства—учениковъ убѣженской школы грамоты, и юные паломники, отстоявъ обѣдню и выслушавъ молебенъ, напутствуемые благословеніемъ о. завѣдующаго, тихо, съ сіяю-

щими отъ удовольствія лицами, въ сопровожденіи своего учителя и мѣстнаго псаломщика А—ва, вышли въ путь. Теплый, ясный день, чистота воздуха, совершенно ровная дорога, оживленный обмѣнъ впечатлѣній — все это дѣлало путь до ст. Тульской — мѣста перваго нашего отдыха и ночлега — и пріятнымъ и легкимъ. Въ Тульскую мы пришли въ сумеркахъ. На лицахъ малышей-путешественниковъ видно праздничное настроеніе: всѣ смотрятъ весело, глазки блестятъ особенно ярко, не умолкаетъ разговоръ; не смотря на пройденныя 10 верстъ не чувствуютъ дѣти усталости, не манитъ ихъ постель; долго еще послѣ ужина и чая дѣти вели свои задушевные разговоры, расположившись въ домѣ покойнаго здѣшняго священника о. Никольскаго, долго возились, но наконецъ уснули. И спите съ Богомъ, покойно, дѣти, пока никакая мрачная мысль не тяготитъ вашей дѣтской души, пока тяжелыя заботы о будущемъ несутъ за васъ родители!

15-го мы проснулись рано утромъ. Изъ-за горы показалось солнце. Его первые яркіе лучи, скользя по верхушкѣ лѣса, упали на площадь. Благоговѣнно помолвившись на храмъ, мы выступили въ путь. Отъ Тульской до монастыря двѣ дороги: одна по правую сторону рѣки Бѣлой, горами и лѣсомъ, другая по лѣвую, нѣсколько длиннѣе, холмистой равниной. Мы выбрали вторую. Пройдя станицу, пригоркомъ спустились къ рѣкѣ, прошли мостъ, поднялись на гору и залюбовались открывшейся картиной природы. По всему правому берегу Бѣлой идутъ высокія горы, покрытыя густымъ, зеленымъ лѣсомъ, а среди этого океана зелени внизу прихотливо извивается рѣка, за нею изъ-за садовъ сверкаетъ крестъ станичнаго храма, привѣтливо бѣлѣютъ стѣны казачьихъ хатъ. Въ воздухѣ прохлада, слышенъ живительный ароматъ майской растительности, звонко льются трели неподражаемыхъ пернатыхъ пѣвцовъ..... Какъ легко, хорошо здѣсь дышется! — До перваго привала намъ нужно было пройти верстъ восемь и мы прошли ихъ за разговорами незамѣтно. Говорили, на сколько позволяли то

наши скудныя познания, о богатомъ прошломъ этого края, о той беззаветной храбрости и безпримѣрной отвагѣ русскихъ воиновъ, благодаря которымъ эта, казалось, недоступная страна отнята у горцевъ, сравнивали мирную жизнь теперешнихъ жителей этого края съ тревожною, полною бѣдствій жизнью первыхъ поселенцевъ его.—Мѣстомъ отдыха мы выбрали лѣсокъ у ручья; размѣстившись въ холодкѣ, достали провизию, взятую каждымъ изъ дому, поставили самоваръ, который потомъ много разъ доливали, закусили, довольныя напился чаю, отдохнули и, съ Вожіею помощію, пошли дальше. Въ полдень мы были на поль-пути къ монастырю—въ ст. Абадзехской, миновали ее и, усталые, обрадовались новому отдыху у новаго ручья. Здѣсь, по распредѣленію, мы должны были обѣдать; въ ведрѣ была сварена пшенная каша съ саломъ, послѣ нея дѣти выпили по чашкѣ чаю и снова бодрѣе готовы были идти, но пришлось сдерживать дѣтскій пылъ отчасти для того, чтобы дать имъ хорошенько отдохнуть, такъ какъ остальной путь до монастыря—подъемъ на горы одна другой больше, отчасти потому, что здѣсь, по уговору, должны мы были подождать члена Майкопскаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта—волостнаго начальника г. Бахтыгозина и попечителя нашей школы Вакулина, любезно изъявившихъ готовность, узнавъ о предполагаемомъ нашемъ путешествіи, намъ сопутствовать въ экипажѣ. Ждали мы ихъ не долго и дальнѣйшій путь продолжали вмѣстѣ, по мѣрѣ приближенія къ монастырю, поднимаясь все выше и выше. Вотъ, наконецъ, виденъ и монастырь; намъ кажется, въ особенности глядя въ бинокль, что до него рукой подать.

„Далеко-ли?—спрашиваемъ встрѣчныхъ.

„Верстѣ въ 15—отвѣчаютъ—не вберете“.

Въ дѣтяхъ замѣтна усталость. Необходимъ отдыхъ. Просимъ нашихъ уважаемыхъ попутчиковъ ѣхать впередъ, озаботиться о нашемъ ночлегѣ въ монастырѣ, а сами садимся. Передъ нами, насколько охватываетъ глазъ, горы и лѣсъ. Деревья то тѣснятся стѣною, то, точно

подражая тѣмъ утомленнымъ, оставшимъ отъ строя воинамъ, кровью которыхъ омытъ этотъ край, рассыпаны въ одиночку. Замѣтно выдѣляются своею темно-зеленою листвою старцы-дубы, бросается въ глаза береза. Послѣ небольшого отдыха идемъ, бесѣдуя о монастырѣ, дальше, и чѣмъ дальше идемъ, тѣмъ живописнѣе становится мѣстность. Вотъ гора, съ которой хорошо виденъ Майкопскій соборъ, каланча, окрестныя станицы; вотъ на небольшой полянѣ, въ сторонѣ отъ дороги, окруженный горами пос. Каменно-мостскій съ природнымъ каменнымъ мостомъ черезъ Вѣлюю, а вонъ, не далеко и монастырь—цѣль нашего полонничества! Уже сильно стемнѣло, когда мы, усталые, но довольные вошли въ монастырь. Здѣсь насъ ждалъ покойный ночлегъ и братская трапеза. Скоро, очень скоро уснули утомленные дѣти, а рано утромъ слѣдующаго дня, (это было воскресенье), они были въ церкви. Величественный храмъ, чинное, благолѣпное, соборное богослуженіе, стройное пѣніе двухъ хоровъ располагали къ усердной, пламенной молитвѣ: дѣти безъ труда, забывъ усталость, выстояли всю продолжительную службу, съ умиленіемъ приложились къ частицамъ мощей св. угодниковъ и, движимые чувствомъ дѣтской любознательности, спѣшили вездѣ побывать, все осмотрѣть, всюду поспѣть. Мы спустились въ пещеры. Пещерный мракъ, мертвая тишина произвели на дѣтей глубокое впечатлѣніе и перенесли нашу мысль въ далекое прошлое, къ первымъ вѣкамъ христіанства. Изъ пещеръ мы прошли въ братскую трапезную; здѣсь по монастырскому уставу слушали, трапезуя, чтеніе житія святаго и особый чинъ послѣобѣденной молитвы. Время до вечерни посвятили осмотру монастыря. Михаило-Аѳонскій монастырь, основанный по усмиреніи горцевъ въ 1877 году, и въ горахъ расположенъ и горами окруженъ. Внутри стѣнъ монастыря—три храма. Самый большой и лучшій—Успенскій; въ немъ въ особыхъ ковчегахъ хранятся святыня монастыря—части животворящаго древа Господня и частицы мощей нѣкоторыхъ святыхъ. Второй надъ помѣщеніемъ о. Архимандрита

и третій при старой трапезной—храмы маловмѣстительные; служба въ нихъ совершается только тогда, когда не бываетъ поломниковъ. Противъ храма Успенія Богоматери, на откосѣ горы, сооружено, но еще не освящено прекрасное зданіе новой трапезной съ церковью. За стѣнами монастыря на горѣ Физіабхо высится не оконченный внутренней отдѣлкой храмъ Преображенія Господня. Мы слышали, что матеріаль для этого храма снесенъ сюда, на гору, усердіемъ богомольцевъ. Кромѣ церквей въ монастырѣ есть много корпусовъ съ настоятельскими и братскими келліями, разными мастерскими и больницею; въ больницѣ свой фельдшеръ—послушникъ Евгеній; онъ безъ специальной медицинской подготовки, но знаетъ свое дѣло; одного прихворнувшего нашего поломника быстро поставилъ на ноги. Много построекъ находится и внѣ ограды; изъ нихъ особое вниманіе обширностью обращаетъ на себя пріютившая насъ монастырская гостинница для богомольцевъ. Всѣ храмы, всѣ монастырскіе корпуса, всѣ службы—дѣло рукъ монашествующей братіи. Здѣсь все свое: въ иконописной, слесарной, кузнечной, столярной—свой мастеръ—инокъ; здѣсь свой заводъ восковыхъ свѣчъ, своихъ садовъ вино для церковныхъ службъ. Скромные монашествующіе труженики во главѣ со своимъ энергичнымъ, пользующимся заслуженнымъ уваженіемъ въ краѣ о. Настоятелемъ, простые, не ученые, проникнутые только чувствомъ необходимости исполненія заповѣдей Божиихъ, болѣе заботятся о благѣ монастыря, о покоѣ другихъ, чѣмъ о своемъ собственномъ.

Осмотрѣвъ все, что можно было и что позволило время, дѣти усердно молились въ вечернѣ, выслушали молебень, по просьбѣ нашей отслуженный о. экономомъ, пріобрѣли въ монастырской лавочкѣ на память по иконкѣ, получили отъ попечителя школы Вакулина по книгѣ о монастырѣ и расположились въ отведенныхъ имъ комнатахъ монастырской гостинницы на отдыхъ, съ тѣмъ, чтобы завтра чѣмъ свѣтъ идти въ обратный путь. Общее впечатлѣніе, вынесенное дѣтми изъ монастыря—самое благопріятное: дѣти восхища-

лись всѣмъ, что видѣли и слышали; торжественное утреннее богослуженіе, пѣніе въ вечернѣ стихиръ съ кононархомъ (кононархъ-мальчикъ лѣтъ 12), почтительность послушниковъ къ старшимъ, монастырскіе порядки—все это такъ поправилось дѣтямъ, что, полагаемъ, надолго сохранится въ ихъ памяти, точно такъ же, какъ и мы едва-ли забудемъ когда ту сердечность, тотъ радушный пріемъ, какой оказанъ намъ казначеемъ монастыря о. Амвросіемъ (самого о. Архимандрита, къ нашему огорченію, не было), то вниманіе, съ какимъ отнеслась братія монастыря къ нашимъ юнымъ путешественникамъ.

Утромъ послѣ молитвы и легкаго завтрака, безъ котораго радушный монастырь насъ не выпустилъ, мы, съ благодарностью въ сердцѣ, съ душевнымъ покоемъ вышли домой. Обратный путь, потому ли, что мы избрали другую дорогу, или потому, что силы наши подерѣжились усердной молитвой, оказался намъ много легче. Ничего особеннаго, выдающагося въ пути не случилось. Тѣ же остановки для отдыха, тѣ же оживленные разговоры, тотъ же ночлегъ въ Тульской. Попутчики наши г. г. Бахтыгозинъ и Вакулинъ выѣхали изъ монастыря нѣсколькими часами позже насъ и такъ какъ идти другою дорогою мы рѣшили уже въ пути, съ ними до Майкопа не встрѣтились.

На пятый день по выходѣ изъ дому мы благополучно возвратились въ него, были радостно встрѣчены родными и знакомыми и долго дѣлились съ ними своими впечатлѣніями.

Діаконъ Иларіоновъ.

IV.

Извѣстія и замѣтки.

Обязаны ли раскольники и сектанты участвовать въ платежѣ денежныхъ сборовъ, по общественнымъ приговорамъ, на сооруженіе и ремонтъ правосл. церквей? Заслуживаетъ особеннаго вниманія пастырей,

а равно свѣтскихъ властей, вѣдающихъ ближайшимъ образомъ крестьянскія дѣла, циркулярное распоряженіе *Тобольскаго губернатора* чиновникамъ по крестьянскимъ дѣламъ Тобольской губерніи (отъ 30 іюня 1898 г.) слѣдующаго содержанія. *Преосв. Антоній, Еписк. Тобольскій* и Сибирскій, отношеніемъ, отъ 5 іюня на имя губернатора, сообщилъ, что разрѣшеніе епарх. начальствомъ вопросовъ о сооруженіи новыхъ и ремонтѣ старыхъ храмовъ, о содержаніи церквей и причтовъ въ правосл. приходсахъ епархіи иногда задерживается на неопредѣленное время по той причинѣ, что въ приходсахъ, гдѣ есть раскольники или уклонившіеся въ расколъ, тѣ и другіе отказываются отъ исполненія постановленій церковно-приходскихъ приговоровъ о сборн, по раскладкѣ на души, потребныхъ суммъ на тѣ или другія надобности приходской церкви, ссылаясь на необязательность таковыхъ сборовъ для нихъ, какъ раскольниковъ. Къ этому Его Преосвященство присовокушилъ, что вопросъ объ участіи сектантовъ въ платежѣ денежныхъ сборовъ на потребности православныхъ церквей, наравнѣ съ принадлежащими къ ихъ обществу православными крестьянами, восходилъ на разсмотрѣніе Прав. Сената, который, какъ видно изъ указа его на имя г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, отъ 28 марта 1890 года за № 2275, послѣ всесторонняго разсмотрѣнія и соображенія съ закономъ, призналъ, что хотя на основ. закона 2 августа 1864 года попеченіе о благоустройствѣ и благосостояніи приходской церкви и отнесено къ предметамъ вѣдѣнія приходскихъ попечительствъ, и сельскія общества, по силѣ ст. 178 *Общ. полож.* о крестьянахъ, могутъ, смотря по надобности и своимъ средствамъ, устанавливать мірскіе сборы на устройство и поддержаніе церквей, что приговоры общественныхъ крестьянскихъ сходовъ, составленные въ установленномъ для сего порядкѣ, по предметамъ, относящимся къ вѣдѣнію сихъ сходовъ, считаются обязательными для всѣхъ членовъ общества, независимо отъ того—присутствовало ли

лицо при составленіи самаго приговора; что устанавливаемые такими приговорами денежные сборы считаются обязательными и для отдѣльныхъ вообще крестьянъ даннаго общества и что принадлежность къ какой-либо сектѣ не можетъ служить основаніемъ къ освобожденію ихъ отъ платежа, наравнѣ съ православными, сборовъ въ пользу православной церкви. „Признавая устраненіе замѣченной Его Преосвященствомъ медленности въ разрѣшеніи церковно-приходскихъ дѣлъ настоятельно необходимымъ, равно какъ укрѣпленіе въ сельскихъ обывателяхъ любви къ храму Божьему дѣломъ первостепенной важности, я, говоритъ губернаторъ, покорнѣйше прошу крестьянскихъ чиновниковъ авторитетнымъ своимъ вліяніемъ на населеніе оказывать православному духовенству Тобольской губерніи возможное содѣйствіе къ привлеченію народа къ большей заботливости о нуждахъ церкви и въ частности: 1) принять всѣ зависящія мѣры къ тому, чтобы крестьянскія общества въ точности исполняли принятыя на себя обязательства по устройству и поддержанію церковей, причтовыхъ домовъ и проч.; 2) разъяснить подвѣдомственнымъ сельскимъ и волостнымъ сходамъ, что приговоры сельскихъ сходовъ, постановленные отъ установленнаго числа голосовъ о производствѣ денежныхъ сборовъ на устройство и поддержаніе церковей, а равно о назначеніи лицъ для отбыванія натуральныхъ службъ, какъ то: церковнаго сторожа, трапезника и т. п., обязательны для всѣхъ членовъ общества независимо отъ того, принадлежит ли извѣстное лицо къ расколу и присутствовало ли оно на сходѣ, и 3) имѣть наблюденіе, чтобы приговоры приходскихъ сходовъ объ установленіи какихъ-либо сборовъ на устройство и поддержаніе церковей и обезпеченіе причтовъ, какъ обязательные только для лицъ, подписавшихъ таковыя, непременно передавались, на точномъ основаніи 4 п. 54 ст. и 178 ст. Общ. Полож. о крест., на утвержденіе сельскихъ сходовъ, составленныхъ не менѣе какъ отъ $\frac{2}{3}$ полноправныхъ домохозяевъ, ибо только

такіе приговоры по дѣламъ сего рода, согласно рѣшенія Прав. Сената отъ 24 августа 1878 года за № 5896, подлежатъ приведенію въ исполненіе, т. е., установленный ими денежный сборъ или натуральная повинность становятся обязательными для отдѣльныхъ въ обществѣ крестьянъ“ (Омск. Епарх. Вѣдм. 1898 г. № 19).

Чего недостаетъ нашей благотворительности.—Въ статьѣ г. Обинскаго по этому вопросу находятся, между прочимъ, слѣдующія мысли. Прежде всего нашей благотворительности недостаетъ непосредственности, личнаго сношенія между помогающимъ и бѣднякомъ. Очень часто люди остаются равнодушны къ страшной нуждѣ, потому только, что не видятъ ея. Между тѣмъ, стоитъ навѣстить бѣдняка въ его жалкой обстановкѣ и въ душѣ пробудится жалость, горячее желаніе помочь ему. У насъ благотворительность обставлена такъ, что большинство благотворителей жертвуетъ деньги, часто даже не изъ добраго чувства помочь ближнему, а потому только, что нельзя отказать, не ловко подписать меньше, чѣмъ А и Б, т. е. изъ тщеславія. Такая заочная благотворительность безлична, безцвѣтна, не согрѣта чувствомъ любви. Мы видимъ роскошныя образцовыя больницы, пріюты, общества съ громкими цѣлями и громкими именами въ спискѣ членовъ, но почти не встрѣчаемъ „добрыхъ самарянъ“, которые лично помогали бы несчастному. Личное непосредственное общеніе съ бѣдняками стало встрѣчаться лишь въ послѣднее время въ дѣятельности участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ и обществъ защиты дѣтей.

Ошибка нашей организаціи общественнаго призрѣнія заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что между помогающимъ и бѣднякомъ слишкомъ много наслоеній, комитетовъ, приказовъ, протоколовъ, лотерей, базаровъ, которые заслоняютъ собою личность самого бѣдняка. Бѣдность, во имя которой все это создается, становится

абстрактнымъ понятіемъ, сердце дающаго остываетъ и черствѣетъ, „благотворитель,—по словамъ г. Обвинскаго, —надѣлъ мундиръ, обвѣшался знаками отличія и, вдали отъ страждущихъ братьевъ о Христѣ, дремлетъ въ покойныхъ креслахъ роскошной залы благотворительныхъ засѣданій“.

Благотворители и вспомошествоваемые въ глаза другъ друга не видывали. При такой системѣ возможны и злоупотребленія и ошибки.

Потому главное въ дѣлѣ благотворительности—это не отворачиваться отъ неприглядной картины нужды, не строить вокругъ себя китайской стѣны, черезъ которую не перелетаютъ крики и стоны страдающаго человѣчества, а имѣть мужество лично убѣдиться въ этой нуждѣ. „Только тотъ, кто видѣлъ горе и нищету, можетъ бороться съ ними не картоннымъ, а настоящимъ острымъ мечемъ“. Личная благотворительность нисколько не мѣшаетъ дѣлу общественнаго призрѣнія.

Сильнымъ врагомъ благотворительности является самое сердце современнаго благотворителя. Всякій органъ, всякое чувство человѣка, чтобы развиваться и функционировать, нуждаются въ извѣстныхъ упражненіяхъ. Пребывая долго въ бездѣйствіи, они атрофируются. Неработающая голова тупѣетъ. Сердце, вѣчно спокойное, не волнуемое добрыми чувствами, черствѣетъ, теряетъ свою отзывчивость. Между тѣмъ, весь современный строй жизни способствуетъ такому очерствѣнію сердца человѣка. Какъ воспитывается наше юношество? Все направлено къ тому, чтобы развить умъ молодежи, сердце же оставляется совершенно въ сторонѣ. За послѣднее время стали обращать вниманіе на физическое развитіе юношества, о внутренней сторонѣ его, о душѣ попрежнему никто не заботится. И растетъ оно бездушнымъ и черствымъ, съ узкими и низменными идеалами и вкусами. Нажива, деньги—цѣль его жизни, карты, игра на тотализаторъ, велосипедный спортъ—его любимыя занятія. Современная мо-

лодежь черезчуръ дорожить своимъ покоемъ и здоровьемъ: она старательно оберегаетъ себя отъ всѣхъ впечатлѣній, которыя могли бы испортить ея жизнерадостное настроеніе.

Литература является отраженіемъ жизни, и вотъ герои современной беллетристики являются все чаще и чаще холодными циниками, денежными дѣльцами съ атрофированными сердцемъ и совѣстью. Но если литература является отраженіемъ жизни, то нельзя отрицать и того, что она—могучее средство вліять на общество и человѣчество. Между тѣмъ, вмѣсто того, чтобы пользоваться этою своею властью надъ умами людей и склонять ихъ къ добру, она, къ сожалѣнію, въ послѣднее время стала возводить бездушіе, и безъ того обуявшее русскихъ людей, въ какой-то культъ. „Все прекрасно и все разумно въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Слезы, кровь, горе, страданія человѣчества—все это есть и пусть себѣ будетъ, потому что все къ лучшему. Необходимы, плодотворны эти страданія—и прежде всего для самихъ страдальцевъ“. Такая философія какъ нельзя болѣе на руку современному обществу. Голодный просить хлѣба—не подавайте ему: все къ лучшему въ этомъ мірѣ!... Только изрѣдка и въ литературѣ слышится голосъ сердца, враждебный удобной, но безнравственной философіи вѣка.

Лучшею формою помощи страждущему человѣчеству, по мнѣнію автора, являются участковыя попечительства, которыя слѣдуетъ распространить и на деревню. Учрежденіе попечительствъ въ деревнѣ, а именно приходскихъ, г. Обнинскій считаетъ легко осуществимымъ. Крестьяне и теперь дѣлятся съ бѣднякомъ послѣднимъ кускомъ; по вычисленію компетентныхъ лицъ, на подачу милостыни натурою крестьянинъ расходуетъ не менѣе 2 руб. въ годъ. Учредивъ на эти деньги приходскія попечительства, и крестьянина можно было бы оберечь отъ нищихъ, иногда эксплуатирующихъ его и не достойныхъ помощи, и истиннымъ бѣднякамъ оказать помощь болѣе существенную, чѣмъ подача куска хлѣба. (Заим. изъ „Вѣст. Благ.“).

Что люди не умѣютъ дѣлать?—(*Дышать, пить, спать, ходить*). Умѣть жить разумно, сообразуясь съ природою, должно было бы стать первой наукой просвѣщеннаго человѣка. А между тѣмъ мы совсѣмъ не учимся этому. „Мы не умѣемъ ни дышать, ни пить, ни спать, ни ходить“, говоритъ „Новое Время“.

Всѣ согласны, что дыханіе—это все для человѣка. А между тѣмъ большинство людей дышитъ ртомъ, что составляетъ большую ошибку. Дышать надо, по возможности, черезъ носъ, данный намъ для этого. Его извилистые каналы съ маленькими кровяными сосудами, сохраняющіе постоянную влажность и теплоту, предназначены для того, чтобы задерживать пыль, которой такъ много во вдыхаемомъ нами воздухѣ.

„Приходится хотъ затыкать себѣ носъ“, говорите вы въ этихъ случаяхъ, а совершенно напротивъ—надо закрыть ротъ, чтобы помѣшать вреднымъ веществамъ проникнуть въ дыхательные пути. Ноздри, по остроумному замѣчанію одного врача, служатъ передней для легкихъ и нагрѣваютъ для нихъ зимою воздухъ. Когда приходится вдыхать холодный, сырой, полный тумана воздухъ—пропускайте его черезъ носъ; каждый человѣкъ въ сутки вдыхаетъ воздуха съ 87,000 бактеріями (незримиыми, вредными насѣкомыми) и зародышами ихъ.

Посмотрите на людей опоздавшихъ, спѣшавшихъ, бѣгущихъ: ротъ у всѣхъ открытъ, руки болтаются, тогда какъ имъ слѣдовало бы сжать губы и прижать локти къ тѣлу. Они добѣгутъ до мѣста всѣ въ поту, запыхавшись, съ пересохшимъ ртомъ. А все отъ того, что они не умѣютъ дышать; между тѣмъ научиться этому вовсе не трудно.

Но крайней мѣрѣ они умѣютъ пить, если судить по количеству поглощаемыхъ ими напитковъ, холодныхъ и горячихъ? Опять заблужденіе! Эти жаждущіе даже и пить не умѣютъ.

Какой-нибудь холодный до невѣроятія напитокъ, послѣ котораго они легко могутъ схватить себѣ воспаленіе легкихъ, они выпиваютъ залпомъ, всячески стараясь не замочить себѣ губъ. То, что они пьютъ, попадаетъ въ глотку совершенно прямою струей. Обыкновенно больше всего страдаетъ отъ сухости ротъ, а они отправляютъ всю эту жидкость въ совершенно неповинный желудокъ.

И вотъ жажда не утолена, но зато въ будущемъ подготавливается „расширеніе кишекъ“, съ которымъ много

придется повозиться этимъ неосторожнымъ людямъ.

Пить по маленькимъ глоткамъ, стараясь поддержать во рту свѣжую, но не холодную влагу,—вотъ какъ слѣдуетъ поступать для утоленія жажды. Нѣкоторые предлагаютъ даже для этого пить горячую воду, но это уже излишнее. Пріятная свѣжесть влаги не можетъ быть вредной; только избѣгайте пить залпомъ очень холодное. Для утоленія жажды будемъ себѣ слегка прополаскивать глотку, помня полезное правило: „мало, но часто“.

Иные скажутъ: „вы тутъ такія вещи рассказываете, что на ходу заснешь“. О несчастные, да вѣдь вы вовсе не умѣете спать, даже лежа на постели.

Не будемъ уже говорить о томъ, что многіе не признаютъ опредѣленныхъ часовъ для вставанія и для спанья. Но многіе ложатся часто раньше, чѣмъ черезъ два часа послѣ ужина, и этимъ сильно вредятъ пищеваренію. Какіе сны мучаютъ ихъ! А утромъ они просыпаются съ недомоганіемъ, съ тяжестью въ желудкѣ.

Еще хорошо, если они не накрываются слишкомъ теплыми одѣялами, что очень вредно.

Вотъ они ложатся въ гостель. Какое прекрасное гнѣздо для микробовъ представляютъ эти толстыя одѣяла! Притокъ воздуха окончателно прекращается, такъ какъ всѣ двери, всѣ отдушины тщательно запираются; подушка набитая перьями, а между тѣмъ волосяная была бы гораздо здоровѣе.

Наконецъ этотъ несчастный, не умѣющій спать человекъ улегся. Но какъ неудобно! Изогнувшись, скорчившись, вмѣсто того чтобы лежать прямо, не сгибая колѣнъ, высоко держа голову,—онъ спитъ въ такомъ неудобномъ положеніи, что кромѣ человека ни одно животное не могло бы заснуть такъ.

А можно-ли привыкнуть спать въ правильномъ положеніи тѣла? Несомнѣнно, и надо начинать учиться этому съ дѣтскихъ лѣтъ, а этого-то именно никто и не дѣлаетъ.

Не будемъ останавливаться на вредной привычкѣ оставлять въ спальнѣ на ночь зажженную лампу или свѣчу: онѣ выдѣляютъ газы, портя воздухъ, а главное, вредны потому, что свѣтъ, проникая черезъ вѣки спящаго, мѣшаетъ глазамъ вполне отдохнуть.

Итакъ, мы не умѣемъ ни лечь, ни хорошенько вытянуться, ни спать: отсюда можно исключить только очень

немногихъ лицъ, которыя знаютъ, какъ спать разумно, а все другія могутъ только завидовать имъ.

Попробуйте-ка походить послѣ такой неспокойной ночи! Ничего не можетъ быть ужаснѣе, какъ смотрѣть на походку городскихъ жителей. Одни сѣменятъ ногами, еле двигаясь съ мѣста, другіе, не сгибая ногъ, дѣлаютъ чрезмѣрно большіе шаги...

V.

На имя Редакціи Ставропольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей въ періодъ времени отъ 16 мая и по 2 іюня поступили въ пользу голодающихъ слѣдующія пожертвованія:

1) Отъ священника сел. Казминскаго Д. Польскаго—3 р. и отъ его прихожанъ—4 р. 2) Чрезъ благочиннаго, священника П. Бутаковскаго—6 р., отчисленные причтомъ ст. Троицкой изъ братской кружки. 3) Отъ діаконно-учителя ст. Ханской Н. Киртоки—3 р., пожертвованные учащими и учащимися Ханской церковно-приходской школы. 4) Отъ священника села Дербетовки А. Остроумова—10 р., собранные имъ отъ его прихожанъ. 5) Отъ завѣдующаго Воронцово-Николаевскою женскою церковно-приходскою школою грамоты, священника З. Агапова—2 р. (1 р. отъ учащихся и 1 р. отъ самого о. завѣдующаго). 6) Отъ церковнаго причта и учителей церковно-приходской школы ст. Попутной—12 р. 7) Отъ священника А. Полянскаго—5 р. Всего за указанный періодъ поступило сорокъ пять (45) руб. и все они препротождены Редакціею въ распоряженіе Казанскаго Архіепископа.

VI.

— ОБЪЯВЛЕНІЕ. —

Продолжается подписка на 1899 г. — Издается съ 1889 г. — Подписной годъ съ 1-го Ноябра.

ПРИРОДА и ЛЮДИ 5 РУБ. НА ГОДЪ безъ до-
ставки въ Спб.;
въ Москвѣ [у Н. Печков-
ской] 5 р. 50 к.; съ до-
ставкой въ С.-Петербургъ
и Москвѣ и пересылкой **шесть** руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ
во все города Россіи **2 р.**, къ 1 Марта 1 р., къ 1 Мая 1 руб. и
къ 1 Іюля остальные. Пробный № высылается за 7 коп. марку.

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ №№, каждый № въ размѣрѣ 2 листовъ большаго формата [16 стр. плотной печати] заключаетъ въ себѣ разнообразное, интересное и полезное чтеніе. Девизъ журнала „польза и развлеченіе“.

Редакція тщательно избѣгаетъ всего, что отзывается сухостью, всего, что можетъ наводить скуку на читателя.

12 иллюстрированныхъ выпусковъ [болѣе 300 рисунковъ] ПОЛЕЗНОЙ БИБЛИОТЕКИ „ЗЕМЛЯ И ЕЯ НАРОДЫ“ составляющихъ ДВА ТОМА соч. Гельвальда.

[„Живописная Европа“, „Живописная Африка“, „Живописная Австралія съ Океаніей“ и „Полярныя страны“].

Съ первыхъ №№ въ журналѣ печатаются „Приключенія Новаго Робинзона“, Луи Ружемона, 30 лѣтъ прожившаго среди дикарей.

„Приключенія Новаго Робинзона“ въ короткое время разошлось за границей въ количествѣ 800,000 экз.

и, кромѣ того, НОВОЕ БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

12 ТОМОВЪ СОЧИНЕНІЙ **ГУСТАВА ЭМАРА** объемомъ болѣе 300 стр. больш. форм. убор. печ.

Журналъ «ПРИРОДА и ЛЮДИ», вступая въ десятый годъ изданія, будетъ по прежнему неуклонно идти къ своей цѣли — быть общедоступнымъ журналомъ для семейнаго чтенія, равно интереснымъ для всѣхъ и каждаго. Постоянно возрастающее число подписчиковъ указываетъ на потребность такого журнала въ нашемъ обществѣ и на успѣхъ его.

Издатель *П. Сойкинъ.*

Редакторъ *Ф. Груздевъ.*

Подписка принимается въ Главной конторѣ: С.-Петербургъ, Стремянная, собств. домъ, № 12.

СО Д Е Р Ж А Н І Е. Отдѣлъ официальный. I. Высочайшее повелѣніе. II. Указанія и распоряженія правительства. III. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. IV. Извѣстія. Отдѣлъ неофициальный. I. Слово предъ торжественною панихидою о поэтѣ Пушкинѣ. II. Человѣкъ, какъ предметъ особеннаго промышленнаго попеченія Божія. III. Паломничество учениковъ церковно-приходской школы Александро-Невской церкви г. Майкона. IV. Извѣстія и замѣтки. V. На имя Редакціи Ставропольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей въ періодъ времени отъ 16 мая и по 2 іюня поступили въ пользу голодающихъ слѣдующія пожертвованія. VI. Объявленіе.

Редакторъ, священникъ **К. КУТЕПОВЪ.**

1 іюня 1899 года. Цензоръ, Ректоръ Семинаріи, Протоіерей
Петръ Смирновъ.

Ставрополь-Кавказъ, Типографія Т. М. Тимоѣева, уг. Театрал., 1—2.